Татуировка (сборник)

Автор:
Александр Варго

Татуировка (сборник)

Александр Варго

Денис Назаров

MYST. Черная книга 18+

Лоскут кожи с татуировкой был подвергнут специальной обработке, а затем помещен в красивую рамку, покрытую позолотой. Таким способом «таксидермист» Олег пополнил уникальную коллекцию татуировок, которую собирал много лет, срезая кожу с трупов. А иногда и с живых людей.

Олег был уверен, что тот молодой парень с великолепным портретом на спине, умер сразу же после жестокой экзекуции, но ошибся. Тот парень выжил. И в один прекрасный день решил вернуть свою часть тела…

Александр Варго, Денис Назаров

Татуировка (сборник)

© Варго А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Александр Варго

Татуировка

«…Позже я заметил, что у него на шее татуировка – прерывистая алая линия и надпись “Режь здесь”. Я всего лишь следовал инструкции…»

Поппи Брайт.

«Изысканный труп»

Ближе к семи вечера и без того темнеющее небо затянуло пепельно-серыми облаками. Нехотя, капля за каплей, начал накрапывать мелкий промозглый дождик, словно еще раздумывая, припустить как следует или продолжить эту монотонно-унылую морось.

Павел накинул на голову капюшон, стрельнув коротким взглядом по циферблату часов.

«И где ее носит?» – раздраженно подумал он, переместив взор на обшарпанную дверь подъезда. За все время, пока он в терпеливом ожидании сидел на покосившейся лавке, из подъезда вышел всего один человек – неряшливый мужичок предпенсионого возраста.

Павел глянул на окна. Большинство из них были темными, с грязными разводами, словно жильцы этих квартир давно собрали все вещи и переехали в новостройку.

Дождь продолжал моросить, усеивая лужи лопающимися пузырями и превращая асфальт в черное стекло, и мужчина решительно поднялся, встав под козырьком подъезда.

Он будет ждать, сколько потребуется.

Наконец вдали, среди дымчатой пелены дождя, внезапно вспыхнули два ярко-оранжевых глаза. Послышался нарастающий шум двигателя, и спустя несколько секунд напротив подъезда притормозила «Шкода Октавия» лимонного цвета с логотипом «Яндекс-такси» на дверях.

Павел ощутил легкий укол в висок, когда увидел пожилую женщину, с трудом выбиравшуюся из автомобиля. В одной руке она держала тактильную трость для слепых, в другой – увесистый пакет, в котором лежало что-то большое и плоское. На старухе было старомодное пальто из сиреневого драпа и довольно изношенная шляпка из далеких семидесятых, которую украшали пара жиденьких перышек.

Глаза пожилой женщины скрывали темные очки.

Нащупывая тростью дорогу, она неторопливо засеменила к подъезду. Проходя мимо застывшего Павла, она вдруг остановилась и медленно повернулась в его сторону. Ноздри старухи шевельнулись, и Павел, глядя на ее высохшее лицо, неожиданно подумал о старой черепахе, которая учуяла съестное и высунула из панциря свою морщинистую голову.

– Здрастье, – пробормотал он, чувствуя, что пауза становится неловкой.

«Похоже, это она», – шевельнулось в голове.

– Добрый вечер, – поздоровалась старуха. И хотя ее глаза прятались за черными очками, Павлу показалось, что она сверлит его пронзительно-испытующим взглядом, ощупывает, как своей палкой неровности, чтобы не оступиться и не угодить в какую-нибудь яму.

– Простите, – промялил Павел, мысленно ругая себя на неуверенность. – Вы… гм, вы, случайно, не Роза Альбертовна будете?

Только сейчас он обратил внимание на обильный макияж на лице пожилой женщины. Сморщенная кожа блестела от тонального крема, который можно было соскребать ложкой, складки были замазаны, как заделанные шпатлевкой трещины на стенах. Ярко-алые губы наводили на мысль, что старуха только что снялась в фильме про вампиров, насытившись свежей кровью.

– Случайно буду, – с усмешкой произнесла старуха. – Ваш голос кажется мне знакомым… Это с вами я вчера разговаривала по телефону? По поводу моего рассказа?

– Э…

– Вы из издательства?

– Совершенно верно, – торопливо кивнул Павел. Он испытал странное облегчение, что его наконец-то узнали. – Издательство «Апостроф». Я…

– Можете звать меня просто Розой. – Она снова не дала ему договорить. – А вы, насколько я понимаю, Павел?

– Да.

Он машинально пожал узкую ладонь Розы. Рука была сухой и холодной.

«Черепаха», – снова подумал Павел.

– Ну что же мы стоим под дождем?

Идемте.

С этими словами Роза раздвинула накрашенные губы в прохладной улыбке.

– Я, надеюсь, не помешал вашим планам? – осторожно спросил Павел.

Старуха покачала головой.

– Этот вечер у меня свободный, – обронила она с таким видом, словно обычно в это время ей приходилось решать проблемы всемирного масштаба.

Она нащупала потемневшую от времени ручку и потянула дверь на себя.

– Вы могли бы не мокнуть под дождем и подождать внутри, – заметила Роза. – Код все равно не работает. Дом скоро снесут.

– Хм… я подумал, что мог бы случайно напугать вас, – помявшись, ответил Павел. У него снова возникло дурацкое ощущение, будто он явился на экзамен, при этом абсолютно не зная материала.

– В этом мире, Павел, очень мало вещей, способных вызвать у меня испуг, – хмыкнула старуха, и он прошмыгнул за ней в подъезд.

Тихо цокая тростью, Роза поднялась по ступенькам, остановившись у лифта.

– Я, признаться, не ожидала, что «Апостроф» заинтересуется моим рассказом, – сказала она, нажимая на кнопку. – Видите ли, в прошлом году я обращалась в пять издательств, и везде мне было отказано. Сказали, что мое произведение рассчитано на слишком узкую и специфичную аудиторию… А кроме того, я ведь слепа.

Роза вздохнула. Где-то наверху мерно загудел лифт, начиная не спеша двигаться вниз.

– Мне было так обидно, – продолжила она. – Будь у меня глаза, я сама написала бы этот рассказ! Я ведь раньше писала стихи!

Павел вежливо кивнул, бегло разглядывая обшарпанные стены, сплошь испещренные всевозможными надписями.

«У тети Розы мохнатое дупло» – прочитал он кривые каракули и улыбнулся краем рта.

– Если бы рассказ был готов, это одно дело, – жеманно поджав губы, произнесла Роза. У нее был такой вид, словно она объясняла представителю издательства, чем луна отличается от солнца. – Но писать за другого человека… Ведь ни для кого не секрет, что есть немало талантливых, но малоизвестных авторов, готовых за гонорары работать под чужим именем. Некоторые критики несправедливо называют их «литературными рабами». Как по мне, почему бы не воспользоваться умением того, кто профи в своем деле?! Если уж так случилось?

Разумеется, за определенную плату!

– Конечно, – брякнул Павел.

– Кстати, а как вы узнали, что я хочу воплотить свою мечту в жизнь? – осведомилась Роза.

Он пожал плечами:

– Совершенно случайно. Один парень из «Фортекса», куда вы обращались, мой знакомый. Совсем недавно в нашем отделе, который занимается остросюжетной прозой, открыли серию в жанре «триллер». Мой приятель обмолвился о вас, и мне показалось – а почему бы и нет? В последнее время не так много авторов, которые способны предложить стоящий рассказ…

Лифт приближался, поскрипывая изношенными шестеренками. Опустившись на первый этаж, несколько секунд он недовольно гудел, будто еще определялся, стоит ли впускать в свое прямоугольное чрево двоих смертных. Наконец двери раздвинулись.

– Обещаю, что со мной вам будет очень просто, – сказала Роза, осторожно заходя в лифт. – Я расскажу вам все, вплоть до запятой. Вам просто нужно будет мои слова перенести на бумагу, вернее, на компьютер. Ах, времена, времена…

Она мягко коснулась нижней кнопки и, беззвучно шевеля губами, принялась отсчитывать этажи, двигая палец наверх.

– Роза, давайте я помогу, – попробовал вмешаться Павел, но старуха уже надавила на нужную кнопку, и двери с тихим урчанием закрылись. В какой-то момент мужчина неосознанно подумал о громадном монстре, сомкнувшем челюсти.

– Ничего, я привыкла, – улыбнулась Роза. Павел невзначай посмотрел на ее длинные ногти, окрашенные черным лаком.

«Наверняка ходит на маникюр, – скользнула у него мысль. – Слепая бы так не накрасила…»

Он задрал голову, глядя на иссеченную трещинами пластиковую лампу. Ее поверхность была заляпана чем-то вязко-серым, из-за чего в лифте стоял полумрак.

Лифт слегка тряхнуло, и Павел, едва не наткнувшись на старуху, переступил ногами, сохраняя равновесие.

– Не бойтесь, – снисходительно проговорила Роза. – Это очень старый дом. Удивительно, что он еще не развалился словно карточный домик…

Павел промычал что-то невнятное.

– Сколько вам лет, Павел? – неожиданно полюбопытствовала Роза. – Хотя нет, позвольте, я угадаю…

Он вздрогнул, когда ее холодная рука проворно нащупала его ладонь и сухие пальцы, словно лапы паука поползли по предплечью.

– Вы высокий… У вас широкие плечи, да?

Павел смутился.

– Хм…

Рука пожилой женщины мягко отстранилась, словно коснувшись чего-то запретного.

– Тридцать семь?

Павел был потрясен.

– Ошиблись на год, – выдавил он. – Тридцать ше…

В это мгновение лифт снова тряхнуло, как если бы им управлял исполинский кукловод, дергая трос по своему усмотрению, и замер.

Павел озадаченно уставился на заплеванную панель с кнопками, словно там должна была высветиться причина незапланированной остановки.

– Приехали, – пробормотал он.

Роза вздохнула.

– Так часто бывает, – промолвила она. – Будьте любезны, нажмите вызов диспетчера!

Павел послушно ткнул пальцем в кнопку с бледно-желтым ободком, над которым был изображен колокольчик.

Из встроенного динамика послышалось какое-то шуршание, и он уже приготовился сообщить о поломке лифта, как все стихло.

«Твою мать», – подумал Павел, раздраженно вдавливая кнопку в панель еще раз. На этот раз не было слышно даже шороха.

Он посмотрел на Розу. Лицо старухи было непроницаемым, и Павел поймал себя на мысли, что проще догадаться, о чем думает ползущий по стенке таракан, нежели эта странная женщина.

– Почему нет связи? – спросил он, вновь и вновь тыкая пальцем на вызов диспетчера. Бесполезно. С таким же успехом он мог бы попробовать докричаться диспетчеру прямо отсюда, из кабины лифта.

– Мне сложно ответить на этот вопрос, – с достоинством ответила Роза, ставя на пол пакет. Трость из руки она, однако ж, не выпускала. – Я ничего не смыслю в технике.

«Ясен пень. Как и я», – мысленно произнес Павел, вытирая взмокший от испарины лоб – в лифте было душно.

– Может, попробовать разжать двери?

Он с трудом просунул пальцы в щель между резиновыми уплотнителями на дверных створках и потянул в стороны.

– На вашем месте я бы ничего не делала, – спокойно произнесла Роза. – Два года назад здесь произошел трагический случай. Молодая семья с маленьким ребенком выходила из лифта. Девушка начала выкатывать коляску, как двери неожиданно закрылись, зажав ее, после чего лифт поехал вниз. Коляску разорвало, как газету, ребенок погиб. Ужасная и нелепая смерть.

– Ничего себе, – пробормотал Павел. От него не ускользнуло, каким спокойным и сухим тоном Роза поведала ему эту жуткую историю. Она словно читала сводки с телевизионных экранов.

– Мать не перенесла трагедию и покончила с собой, – добавила Роза. – Поэтому лучше дождаться специалиста.

Павел хмуро посмотрел на часы.

– Если мы не сообщили о поломке лифта, то как ваш специалист догадается сюда прийти? – резонно заметил он.

– Вы можете позвонить, – предложила Роза, и Павел чуть не хлопнул себя по лбу. Точно! Как это ему сразу в голову не пришло?!

Он торопливо выхватил из кармана куртки смартфон, но беглого взгляда хватило, чтобы понять – сеть недоступна.

– Здесь связь не ловит, – разочарованно произнес он. – Роза, может, у вас получится?

– Я не ношу с собой мобильник, – ответила старуха с таким видом, словно Павел интересовался, нет ли у нее с собой, случаем, парочки дюбелей для гипсокартона.

«Ну и дура, – подумал Павел, вытирая со лба пот. – Мало того, что слепая, еще вечерами без телефона шарахаешься… Провалишься в канализационный люк, и пиши письма».

– Мне, конечно, очень неловко, что вы оказались в такой неприятной ситуации, – заговорила Роза. Очевидно, она ощутила флюиды раздраженного напряжения, волнами исходившие от Павла, и решила хоть как-то смягчить обстановку. – Но уж так случилось. Никто в этом не виноват. Рано или поздно мы все равно отсюда выйдем, поэтому не будем мучить себя напрасными переживаниями.

– У меня еще на вечер намечены дела, – буркнул Павел, снимая куртку. Осмотрелся, словно в лифте ее можно было куда-то пристроить, затем хмыкнул и повесил на плечо.

– Я старше вас, Павел, и имею право дать вам хороший совет, – сказала Роза. Она сняла шляпку и начала обмахиваться ею как веером. – В этой жизни есть вещи, которые от нас зависят, а есть те, над которыми мы не властны. Научитесь отличать одно от другого, и вы обретете истинное счастье.

– Ага, – кивнул Павел. В данный момент ему не особо хотелось выслушивать философские умозаключения старой карги о смысле жизни. Он скептически посмотрел на кнопки, после чего принялся нажимать их все по очереди. Никого результата эти действия не принесли, хотя в глубине души он надеялся на чудо.

– Фу, жарко… – вздохнул он, чувствуя, как его спина становится липкой от пота.

«Тут что, какой-то встроенный обогреватель?!»

– Вы курите, Павел? – спросила Роза, продолжая обмахиваться шляпкой. Облезлые перья неуклюже трепыхались в такт ее движениям.

– Нет, – ответил мужчина, неприязненно глядя на волосы старухи, выкрашенные в апельсиновый цвет. С каким-то неизъяснимым злорадством он отметил, что на макушке уже стали пробиваться корни ее истинных волос – грязно-желтых, как пожухлая, выгоревшая на солнце трава.

– Жаль. Но я потерплю, – сказала Роза, улыбнувшись краем рта. – Не хочу заставлять вас дышать дымом.

– Премного вам благодарен, – проворчал Павел. Не хватало тут еще сигаретного кумара. Достаточно того, что у него и так слезятся глаза от спертого воздуха в

лифте, к которому щедро примешивался приторно-сладкий парфюм старухи.

– Послушайте, Павел. Раз уж судьба распорядилась так, что мы с вами застряли в лифте, почему бы нам не начать прямо сейчас? – с задумчивым видом предложила Роза. – Вы же взяли с собой какое-то записывающее устройство? Диктофон или еще что-то? Зачем терять время?

«Это точно, – подумал Павел, мысленно соглашаясь с предложением этой намазанной, как торт, грымзы. – Время дорого».

Он покопался в куртке и выудил наружу диктофон. В следующее мгновение Роза задала ему вопрос, от которого у него глаза поползли на лоб:

– У вас есть татуировка, Павел?

– Хм… я не очень понимаю, какое отношение…

– Мой рассказ напрямую связан с татуировкой, – пояснила она. – Я просто интересуюсь.

– Есть, – признал Павел. – Набил себе как-то коровий череп на плече. Юношеский максимализм во всем… Увлечение тяжелой музыкой и все такое. Еще что-то?

«Сейчас она спросит, когда я впервые трахнулся», – подумал он, и ему отчего-то стало смешно. Он включил диктофон и шагнул к Розе, приблизившись к ней вплотную.

– Тридцать шесть лет, – медленно проговорила Роза. Ее ноздри снова затрепетали, она словно вдыхала запах мужчины, застывшего рядом с ней. – Высокий, с татуировкой… Вы, должно быть, очень нравитесь женщинам, а? Кстати… можно я буду обращаться к тебе на «ты»? Ты не против?

Павел буквально кожей почувствовал, как к лицу прилила кровь. Похоже, старая клюшка начинает заигрывать с ним.

– Я вас внимательно слушаю, Роза, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал холодно и небрежно. – Вы говорили, что у вас есть остросюжетный рассказ в

жанре «триллер». Правильно?

– Абсолютно точно.

– Запись пошла.

Роза откашлялась, надела шляпку и поправила очки. Она вела себя так, словно находилась в прямом эфире с важными новостями и Павел держал перед ней не диктофон, а видеокамеру.

– Это история о несчастной любви, – начала она спокойным и ровным голосом. – О так называемом любовном треугольнике. Жила на свете очаровательная девушка по имени Анжела. Она была очень скромной и спокойной и, как и все остальные девушки, мечтала о любви. Она желала найти достойного мужчину, обрести семью и родить детей… Однажды ей повстречался один художник, назовем его Владимир. Он полюбил Анжелу, и какое-то время у них было все хорошо. Иной раз чувства Владимира даже зашкаливали. Он делал Анжеле дорогие подарки, всячески признавался ей в любви. А однажды он и вовсе ее поразил – на ее день рождения он… снял рубашку и продемонстрировал свою спину. На ней был вытатуирован портрет Анжелы, самый лучший из тех, какой мог бы быть вообще. Удачно наложенные тени, насыщенный цвет, качественные краски – все это великолепно передало красоту Анжелы на коже любящего ее мужчины… Анжела была потрясена – ведь все время Владимиру удавалось скрывать татуировку, поскольку такой громадный объем не выполнить за пару сеансов…

«Интересно, как он скрывал наколку, – подумал Павел. – Избегал с ней траха? Или делал это в полной темноте?»

Он расстегнул верхние пуговицы рубашки. Изнуряющая духота давила, словно влажное и липкое одеяло. Хотелось со всего разбегу прыгнуть в прохладный пруд, с наслаждением ощущая благостное покалывание кожи.

– …но время шло, и Владимир начал меняться, – продолжала Роза. Она тоже изнемогала от спертого воздуха, но изо всех сил держалась, пряча эмоции за безучастной маской. – Он стал подозрительным, ревновал Анжелу по каждому пустяку, проявлял агрессию… В общем, в один прекрасный день они расстались. Буквально через несколько недель Анжела познакомилась с неким Олегом. Он

был успешным предпринимателем, спокойным и уравновешенным мужчиной, и Анжела тут же полюбила его. Дела Олега шли в гору, и они решили пожениться… У них родились две потрясающие девочки-близняшки. Шло время, и все у них было чудесно. Близилась десятилетняя годовщина свадьбы, и Олег неожиданно предложил Анжеле обвенчаться. Она с радостью согласилась. Нужно сказать, что в этой истории как-то незаметно появился еще один персонаж.

Роза умолкла. Поджав губы, она повернула свою черепашью головку в сторону Павла, изнывающего от духоты.

– Тебе скучно? – сухо спросила она. – Не увиливай, Павел. Я ни фига не вижу, но я чувствую каждой клеткой своего тела, что ты с радостью вышвырнул бы свой диктофон и смотался бы отсюда. Не сомневаюсь, что, как только заработает лифт, ты так и сделаешь.

Павел почесал подбородок, на котором уже проклевывалась щетина.

«Она недалека от истины», – подумал он, смахивая пот со лба.

– Вы сказали, что ваш рассказ – леденящая кровь история. Треш, иными словами. Причем намекнули, что она основана на реальных событиях, – произнес он, ставя диктофон на паузу. – Пока что я слышу обычную мелодраму. Извините, не хотел вас обидеть.

Он кашлянул, заметив, что губы старухи плотно сжались и стали похожими на две сложенные бритвы.

– Ты бежишь впереди паровоза, мой юный друг, – сказала она с легким укором. – Я понимаю, что тебе жарко и неудобно. Тебе некомфортно, отчего и рассказ тебе кажется скучным и неинтересным. Но, в конце концов, ты мужчина. Поверь, я испытываю такие же неудобства, как и ты.

После этих слова Павел испытал мимолетное угрызение совести – а ведь и правда, в их нынешнем положении старухе куда тяжелее, чем ему. И стоять ей сложнее из-за какого-нибудь варикоза, и давление наверняка зашкаливает…

– Постарайся сосредоточиться на повествовании, – добавила Роза. – Уверена, ты будешь приятно удивлен. Протяни мне свою руку.

Помешкавшись, Павел с неохотой вытянул руку. Несмотря на обволакивающую жару в лифте, пальцы Розы оставались прохладными и сухими.

«Плохое кровообращение», – подумал он, глядя, как старуха медленно провела указательным пальцем по его ладони.

– Ты раньше курил, но потом у тебя началась астма. Поэтому ты и бросил эту вредную привычку, – вдруг сказала она. – Я права?

Павла словно огрели по голове лопатой.

– Чт… вы… как вы узнали?

Он вырвал руку, уставившись на ладонь, будто там между линий, по которым хироманты предсказывают судьбу, пульсировала бегущая строка, раскрывая пикантные подробности всей его жизни.

– Не удивляйся, – сказала Роза снисходительно. – За свою жизнь я научилась «читать» людей, только прикоснувшись к ним. Я чувствую их энергетику. Продолжим?

– Да, – только и смог произнести Павел, снимая диктофон с паузы.

– Как я уже сказала, в рассказе появился еще один мужчина, его имя Николай. Он тоже полюбил Анжелу, хотя и был намного моложе ее. Он приходил в их частный дом, чтобы обустроить сад, поскольку был специалистом по флористике. Однажды Анжела и Олег разругались по какому-то пустяку. Николай слышал их ссору. Потом Олег куда-то уехал, оставив плачущую жену. Николай принялся утешать ее, и как-то совсем неожиданно они оказались в постели. Анжела понимала, что действует безрассудно, но страсть и внезапно охватившее ее желание оказались сильнее. После этого она не раз ругала себя, но что сделано, то сделано. Она дала понять Николаю, что это был единичный случай и он никак не повлияет на ее отношения с Олегом. Однако Николай не собирался отступать. Он писал ей на телефон, напоминал о себе в социальных

сетях, пытался добиться встречи… закончилось тем, что ей пришлось рассказать обо всем Олегу. У них был сложный разговор, но он простил Анжелу. После этого он встретился с Николаем, между ними возникла потасовка, из которой победителем вышел Олег. На прощание он пригрозил Николаю, что, если тот приблизится к Анжеле, он его убьет.

Как я уже говорила, близилось венчание Анжелы и Олега. И как-то вечером он спросил:

«Милая, я хочу сделать тебе подарок. Что бы ты хотела получить в этот чудесный день?»

Анжела долго думала и вдруг сказала:

«Моя просьба может показаться тебе необычной, но… У меня был молодой человек, Владимир. Мы встречались, и однажды он сделал себе татуировку с моим изображением на спине. Надо сказать, что это целое произведение искусства. Ничего не подумай, нас давно ничего не связывает… Понимаю, что выгляжу эгоисткой… Жаль, что я не догадалась ее сфотографировать! Но я бы хотела еще раз взглянуть на татуировку. Хотя прошло столько времени, и я даже не представляю, где сейчас находится Владимир…»

Олег немного подумал, но все же согласился на просьбу Анжелы.

«Я найду его, – пообещал он. – Если он жив, найду».

Анжела обняла его.

«Я всегда знала, что ты самый лучший! – улыбнулась она. – Только будь аккуратнее. Наше расставание прошло не очень гладко. Владимир в последнее время стал каким-то странным».

Олег уверил ее, что все будет хорошо.

Роза снова сняла шляпку и, зажав ее под мышкой, распустила свои ярко-оранжевые волосы.

– Здесь действительно жарко, – сказала она, обмахиваясь шляпкой.

– Вы хотите сделать перерыв? – спросил Павел, но Роза покачала головой.

– После этого Олег и Анжела занялись любовью, – снова заговорила она. – Никто из них не догадывался, что их разговор подслушивал Николай. Ему удалось проникнуть на участок, и он затаился под окном, внимательно слушая каждое слово семейной пары… Когда они начали ласкать друг друга, Николай почувствовал растущее возбуждение. В мыслях он тоже ласкал Анжелу, целуя ее разгоряченное молодое тело. Целуя все – от гладкого бархатистого лба до пальчиков ног, на которых жемчужными капельками сверкали ноготки…

Голос Розы стал томным, она глубоко задышала. Неожиданно ее рука скользнула по брюкам Павла, тонкие пальцы словно невзначай коснулись ширинки.

Павел округлил глаза.

– Они ласкались, – прошептала Роза. Изо рта высунулся кончик розового языка, проворно пробежавшись по верхней губе. – Они покрывали друг друга страстными поцелуями, они забыли обо всем на свете, наслаждаясь и упиваясь друг другом…

Ее рука вновь коснулась паховой области Павла, и тот, завороженный происходящим, неожиданно почувствовал, как напрягся член, наливаясь горячей кровью.

Роза приблизилась к нему вплотную.

– Не надо ничего бояться, – шепнула она. Ее рука продолжала плавно поглаживать бугорок, выступивший из брюк. – Я сама все сделаю.

«Нет!» – заверещало что-то в самом центре черепной коробки, Павел стиснул зубы и уже хотел впечатать это гротескное чучело в стенку лифта… но какая-та непродолимая сила будто парализовала все его мышцы. Он словно врос в заплеванный пол лифта, не в силах шевельнуться. Лишь его член будто жил отдельной жизнью, продолжая твердеть и набухать под тканью брюк.

Роза ловко расстегнула молнию и, кряхтя, встала на колени. Ее прохладные пальцы игриво погладили яички, и Павел судорожно вздохнул.

– Просто расслабься, – чуть слышно произнесла Роза. Не переставая ласкать член Павла, она вынула из кармашка пальто носовой платок в крупный горошек и положила его возле колен. После этого старуха с едва слышным щелканьем вынула изо рта вставную челюсть и аккуратно положила ее на платок. Павел этого не заметил, уставившись в грязную стенку лифта стеклянным взглядом. Между тем Роза тут же приникла ртом к его эрегированному члену. Послышались чмокающие звуки.

«Это неправильно! – завизжал внутренний голос Павла. – Ты сошел с ума! Ударь ее! Толкни, растопчи, размажь по стенке!!!»

Он стоял, прерывисто дыша. Сладкая истома застилала глаза, растекаясь густым сиропом по всему телу, низ живота покалывало сотнями иголочек, по коже пробегала волнующая дрожь. Оргазм наступил неожиданно, словно ледяной ливень, обрушившийся в солнечный день. Он нервно выдохнул, чуть подавшись вперед, ноги стали ватными. Роза слегка отстранилась. Она продолжила работать рукой, постепенно сбавляя темп. Наконец измазанный помадой пенис Павла обмяк, устало повиснув.

Роза нащупала вставные зубы и ловко вернула их на место в рот.

Звук вставляемой челюсти словно стряхнул оцепенение Павла. Он отшатнулся, торопливо застегивая ширинку.

– Вы… вы… – задыхаясь, проговорил он. При виде губ старухи, блестевших от его спермы, живот скрутило в спазматический узел.

– Все хорошо, Павел. Не нужно никаких слов, – промолвила Роза. Она вытерла губы, смазав большую часть помады, и полезла в сумочку из бежевой замши. Из нее она достала пачку «Вог» и тоненькую золотистую зажигалку.

– Я сделаю только пару затяжек. Не возражаешь? – спросила она, прикуривая.

Павел прислонился к стенке. Оральный секс (если к происшедшему вообще применимо слово «секс») длился всего минуты две, и все это время он бултыхался в полубезумной пелене экстаза, а его сознание словно отлипло от мозга, и, зависнув где-то у тусклой лампы лифта, с ехидством наблюдало за этим зрелищным арт-хаусом.

«Она меня загипнотизировала», – подумал Павел с каким-то вялым опустошением. Он недоуменно взглянул на диктофон, который он продолжал держать в руке. Более того, все это время шла запись.

– На память потомкам, – пробормотал он, отодвигаясь еще дальше от Розы. Он был противен сам себе.

– Не бойся меня, Павел, – усмехнулась старуха, выпуская изо рта серое кольцо дыма. – Я не кусаюсь.

Сделав еще пару затяжек, она положила окурок на пол и придавила его ногой.

– Продолжим?

Удушливый зной выдавливал из Павла последние остатки сил, но он почти перестал обращать на духоту внимание. Роза вела себя совершенно естественно, будто не стояла минуту назад на коленях, делая ему минет с усердием профессиональной шлюхи, которая надеялась срубить немного чаевых сверх стандартной таксы.

– То есть… – хрипло произнес он, не веря своим ушам, – То есть вы хотите сказать, что…

– Я хочу сказать, что начинается самое интересное, – прервала его старуха. – И если ты перестанешь меня перебивать, я наконец смогу без проволочек закончить рассказ. Итак, Олег вскоре нашел Владимира. Это стоило ему немало усилий и нервов, а также денег, но он сумел разыскать бывшего парня Анжелы. Хотя к тому времени это уже был зрелый мужчина. Он не особо был рад видеть Олега. Точнее сказать, появление мужа Анжелы даже разозлило его.

«Какого хрена вам надо?» – прямо спросил он.

«У меня мало времени, поэтому перейдем к делу, – сказал Олег. – Когда-то вы были с Анжелой, моей женой. Может, моя просьба покажется вам странной, но она хотела бы вас видеть. Вернее…»

«Мою спину?» – закончил вместо него Владимир и усмехнулся.

Олег кивнул: «Я заплачу вам хорошую сумму».

«Я так и думал. Она любила пялиться на нее, особенно после траха. Почему она не пришла сама?» – спросил Владимир.

«На это есть причины», – ответил Олег, начиная нервничать.

«Я сам отвечу почему, – сказал Владимир. – Потому что эта сука знает, что в нашей разлуке виновата она. Она унизила меня. И теперь ей стыдно показаться мне на глаза».

Лицо Олега потемнело.

«Еще раз оскорбите мою жену, и я вышибу вам мозги!»

Владимир засмеялся.

«Не вышибешь. Не я к тебе пришел, а ты, – сказал он, отсмеявшись. – Я нахожусь в своем доме и говорю так, как хочу. Не нравится – вали к чертовой матери. И кстати. Пора бы свести эту суку на спине. Хотя нет, сводить очень дорого. Я ее закрашу, как тебе? Черным, густым цветом. Сделаю себе «Квадрат» Малевича. Что ты тогда покажешь своей женушке?»

Олегу стоило огромного труда совладать с собой.

«Хорошо. Будем считать, что ничего не было. Итак, вы согласны? Это займет всего полдня».

Владимир ухмыльнулся:

«Только с одним условием. Позвони ей, и пусть она придет. А когда придет, встанет на колени и попросит прощения. Тогда я, может быть, сниму свою майку и повернусь к ней задницей».

Олег сжал кулаки.

«Вы ведь любили друг друга. Почему бы тебе не выполнить причуду своей бывшей девушки? Тем более я предлагаю денег. Много денег».

Владимир плюнул прямо на пол.

«Мне ничего не нужно. И я не продаюсь, – произнес он. – Я сам богат. У меня есть все, что мне нужно».

С этими словами он обвел рукой пыльную комнатушку с отслаивающейся штукатуркой. Показал рукой на ряды пустых бутылок. На паутину, лохмотьями свисавшую с потолка. На тусклое окно, загаженное сонными мухами.

«Ты не оставляешь мне выбора», – тихо сказал Олег.

Глаза Владимира прищурились.

«Ты потащишь меня силком на вашу вечеринку?» – спросил он.

Олег молча вышел.

На следующий день, когда Владимир возвращался домой, возле подъезда его ждали. Он не успел ничего предпринять, как его оглушили и затолкали в машину. Вместе с подельниками Олег привез Владимира на съемную квартиру. Первым делом он снял с него рубашку, чтобы взглянуть на татуировку. Он едва не потерял дар речи, когда ее увидел. Портрет Анжелы на спине мужчины был как живой, особенно когда Владимир двигался.

«Это действительно шедевр», – потрясенно подумал Олег.

Теперь он понимал, почему его жена хотела еще раз взглянуть на это произведение искусства. Ничего подобного в своей жизни он не видел.

Между тем Владимир пришел в себя.

«Ты врубаешься, на что подписался, парень? – спросил он. – Лишение свободы – серьезный косяк. По крайней мере, так написано в Уголовном кодексе».

«Я думаю, каждый из нас хоть раз в жизни нарушал закон», – сказал Олег, возвращая Владимиру рубашку.

«С этим трудно поспорить, – согласился Владимир. – Только одно дело – поссать в неположенном месте. И совершенно другое – похитить человека».

«Не переживай. Послезавтра все закончится. Покажешься Анжеле, а потом я отвезу тебя обратно. С миллионом рублей в кармане».

Владимир расхохотался.

«Болван, я же сказал, что не нуждаюсь в деньгах! – насмешливо произнес он. – А как ты заставишь меня хорошо вести на вашей вечеринке? Тебе не приходило в голову, что я насру вам на стол, а потом воткну тебе вилку в глаз?!»

«Я уже думал об этом», – спокойно ответил Олег.

«И что? Ты свяжешь меня?» – полюбопытствовал Владимир.

«Нет. Я просто сделаю пару уколов, и ты будешь похож на ленивца, которого поставили на лапы, но забыли разбудить. Пару суток отоспишься и придешь в норму».

«Послушай, парень», – сказал Владимир, перестав улыбаться. Теперь на его лице появилось жесткое, почти хищное выражение. – Сейчас мячик на твоей стороне поля. Но как только все закончится, я приду за тобой. Приду и отрублю твою глупую голову. Я слышал про ваше гребаное венчание. Хочешь выставить меня уродцем, как на ярмарке в Средневековье? О’кей. Только помни, что через неделю после вашего венчания я принесу в постель твоей благоверной твою башку на подносе. Думаю, для нее это будет большим сюрпризом».

Олег отмахнулся, словно прогонял назойливую муху. Он не воспринял угрозу. Действительно, кто он такой, этот Владимир? Опустившийся, безработный мужичок. Все, что у него есть, – татуировка Анжелы на спине. Что он может, кроме того, как тявкать и угрожать?!

Он наказал подельнику охранять Владимира, а сам отправился к Анжеле. Олег решил не говорить ей о том, что ее просьба выполнена. Пусть это будет для нее сюрпризом.

На следующий день, когда он пришел, охранника дома не оказалось. Владимир разбил несколько чашек, которые нашел на кухне, и катался спиной по осколкам. При этом он смеялся жутким, безумным смехом. Олег был вне себя. Он скрутил Владимира и швырнул его на диван. В это время вернулся подельник Олега, который должен был охранять Владимира. Как выяснилось, он вышел за сигаретами на пять минут, пока пленник якобы спал.

Отчитав охранника, Олег велел ему заклеить пластырем раны Владимира. Наказав не спускать с него глаз, он снова ушел.

Роза сняла очки и вперила безжизненный взгляд в напряженное лицо Павла.

– А когда Олег пришел утром на следующий день, охранник был мертв, – тихо промолвила она. – В раковине ванной была его отрезанная голова. На зеркале было выведено кровью: «Я приду за вами».

Олег был в смятении. Он совершенно растерялся, не зная, как быть. Заявить о происшедшем в полицию означало и себя подставить под удар – ведь он незаконно вывез Владимира и удерживал его в квартире как заложника. Замять ситуацию и сделать вид, что ничего не случилось? Слишком рискованно. К тому же он не терял надежды исполнить мечту Анжелы, хотя времени почти не осталось. А еще ему не давала покоя фраза, написанная кровью на зеркале. В итоге Олег принял решение: он нанял частных детективов и телохранителей. Первые принялись искать Владимира, вторые охраняли семью Олега. Что касается погибшего охранника, то Олег закопал его труп на свалке. Для всех остальных несчастный парень просто исчез.

И вот наступил день венчания. Анжела была в роскошном платье нежно-розового цвета. На Олеге был белоснежный костюм. Он старался держаться, но на душе у него скребли кошки.

«Я должен тебе кое-что сказать, любимая», – заговорил он, когда до венчания оставалось несколько минут. – К сожалению, я не смог выполнить твою просьбу. Я нашел Владимира, но в последний момент все сорвалось. Прости».

Анжела выглядела разочарованной, хоть и пыталась этого не показывать.

«Я просто подумала, что для тебя нет ничего невозможного», – сказала она и поцеловала мужа.

«Это так. Но в жизни нельзя предусмотреть все до конца. По крайней мере, я сделал все, что в моих силах», – оправдывался Олег.

Чтобы как-то сгладить положение, он достал несколько фотографий:

«Я приобрел для тебя виллу на Мальдивах. Посмотри. Завтра утром мы вылетаем на отдых. Это мой подарок тебе на наш сегодняшний праздник».

Анжела мельком взглянула на фотографии. Вилла, конечно, была роскошной, но почему-то она бы с радостью обменяла ее сейчас на возможность посмотреть на татуировку Владимира. По-своему она даже скучала по ней.

«Может, потому что Олег может без проблем покупать мне виллы хоть каждый месяц, – с грустью подумала она. – А вот найти и заставить прийти человека с моим лицом на спине – задача, оказывается, куда сложнее…»

«Почему вокруг столько охраны?» – поинтересовалась она, оглядываясь. Она не могла не заметить людей в темных костюмах, которые сновали туда-сюда, будто что-то высматривая. Олег специально побеспокоился о том, чтобы в день венчания охрана была усилена. Потому что отрубленная голова охранника и кровавая надпись на зеркале не давали ему покоя.

На вопрос Анжелы он пробубнил что-то невнятное. Не станет же он говорить жене всю правду?!

Тем временем их пригласили в церковь.

Они прошли в храм, и таинство венчания началось. Но едва священнослужитель заговорил, как снаружи раздались выстрелы. Олег побледнел, стиснул руку Анжелы.

«Что это?!» – испугалась она. Олег закрыл ее своим телом.

Как только прогремели выстрелы, послышались крики и стоны раненых. Спустя мгновение дверь в церковь распахнулась и… внутрь ввалился Николай. Помнишь его? Тот самый флорист, что добивался руки и сердца Анжелы. Он был раздет по пояс, из ран, оставленных пулями телохранителей, лилась кровь. Его лицо было совершено безумным, глаза были похожи на дымящиеся бойницы. В одной руке Николай сжимал пистолет-автомат, из ствола несло гарью. Другой рукой Николай держал цепь с крюком, на который за ребро было насажено изуродованное тело Владимира – без головы, ног и рук. Сквозь разводы крови на спине виднелась татуировка, на которую так хотела взглянуть Анжела.

Николай посмотрел на Олега, который замер, вжавшись в стену храма. Он уже забыл о том, что собирался своим телом защищать Анжелу.

«Никуда он не убегал, этот парень. Это я его выкрал. И башку твоему охраннику я отрезал, – сказал Николай. – Я привез его живого за час до вашего венчания. Пока вы болтали, я отрезал от него все лишнее. Он до последнего был жив и звал тебя по имени».

Продолжая улыбаться, Николай перевел сияющий взор на Анжелу.

«Привет, родная. Привет, любимая».

С этими словами он вытащил крюк из ребра Владимира. С усилием подняв кровоточащий обрубок, Николай повернул его спиной к обомлевшей от ужаса Анжеле.

«Я выполнил твой каприз. Не этот напыщенный индюк, с которым ты собралась обвенчаться, а я. Единственное, я не смог ровно срезать татуировку – все время рвалась кожа. Но я уверен, ты найдешь специалистов, которые сделают это

ровно и аккуратно. А знаешь, почему я пошел на это? Потому что Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!»

Он засмеялся, но его смех растворился в истошном крике Анжелы…

Роза умолкла.

Палец Павла уже был готов нажать на кнопку «пауза», но в последний миг он удержался.

– Это все? – на всякий случай уточнил он.

Старуха кивнула. У нее был вид кошки, которая вдосталь наелась сметаны и теперь нежилась на солнышке.

– Чем же все-таки закончилась эта история? – снова спросил Павел.

Роза пожала плечами.

– Именно тем, на чем я остановилась. Конечно, можно предположить, что Николая поместили в сумасшедший дом, а венчание было сорвано… Но пусть читатель сам додумывает концовку. Это, как говорится, pas d’importance[1 - Не важно (франц.).].

«Если кое-где подправить и добавить экшена, получится неплохой рассказ», – с удивлением для себя подумал Павел. Посмотрев на диктофон, он выключил его и убрал в карман.

– Вы сказали, что эта история основа… – начал он, но внезапно погасший свет оборвал фразу. Лифт погрузился в непроницаемую тьму.

– Что-то случилось, Паша? – невозмутимо спросила Роза.

– Свет. Свет отключили, – вымученно произнес Павел. Этого еще не хватало!

«И я тебе не Паша, старая шлюха», – хотел он добавить, но вовремя прикусил язык.

– Ничего страшного. Я живу в кромешной тьме последние шесть лет, – сказала Роза, и даже в вязкой темноте ему показалось, что старуха ощерилась в улыбке. – Теперь ты понимаешь, что чувствует человек, впервые столкнувшись с полной слепотой. Только в твоем случае окружающая ночь всего-навсего временное явление. А ослепший человек вроде меня должен осознать (и принять), что это до конца жизни. Конечно, если ситуацию нельзя исправить операционным путем.

Павел услышал, как в углу лифта раздался шорох, и его передернуло.

«Если она снова коснется меня, я убью ее», – внезапно подумал он. Он ощутил жаркое дыхание рядом с собой и инстинктивно отодвинулся. Похоже, старуха действительно пытается приблизиться к нему вплотную.

– Ты спросил, чем все закончилось…

Ее хриплый голос, казалось, раздался совсем рядом, и Павел едва не вскрикнул от неожиданности. Его нервы свились в тугой клубок колючей проволоки.

– Я открою тебе маленький секрет, – хихикнула Роза. Рядом что-то зашуршало, и в живот Павла ткнулся какой-то твердый предмет. Трясущимися руками он вынул смартфон и включил фонарик. Бледный лучик высветил увесистый пакет, который протягивала ему старуха.

– Что там? – сиплым голосом спросил он. Он пятился от Розы, как если бы она протягивала ему тухлую крысу.

– Открой. Открой и увидишь, – прошептала Роза. – Я заказала отличную рамку в багетной мастерской… Тебе понравится…

Она снова хихикнула, продолжая надвигаться на мужчину.

– Вы сумасшедшая, – выдавил Павел. Его обдало запахом старухи – гремучей смесью лекарств, пота и духов.

– Ответь мне на пару вопросов, мальчик, – чуть слышно произнесла Роза. – Я не обращалась в «Фортекс». Если в этом издательстве у тебя и есть приятели, то о моем рассказе там никто не знает. Кто ты и откуда?

Павел застыл. Набухшая от липкого пота рубашка приклеилась к спине. Затем он издал непринужденный смешок.

– Вы просто забыли, Роза. Вот и все.

В темноте послышлся хриплый клекот, видимо, означающий смех, и он подумал о простуженной вороне.

– Я старая женщина, но с памятью у меня все в порядке, – хмыкнула Роза. – Ладно, забудь. Мне плевать, откуда ты обо мне узнал.

Пока Павел раздумывал, что она имела в виду, лифт неожиданно тряхнуло, и он, заскрежетав шестеренками, неожиданно двинулся вверх. Спустя секунду вспыхнул свет, и Павел с непривычки зажмурился.

– Ну вот, – улыбнулась Роза. Помада на ее губах размазалась, словно она торопливо ела вишневое варенье. – Я же говорила.

Павел глубоко вздохнул. Ему показалось, что за те полчаса, проведенные в лифте, пронеслись столетия, и сейчас он ощущал себя заблудившимся путником, которого чудом удалось вызволить наружу из сырого ущелья.

– Зайдем ко мне, – вдруг предложила старуха, когда двери лифта раздвинулись. – Я угощу тебя чаем. Или кофе.

«Лучше водки, – скользнула у мужчины мысль. – Грамм двести сразу».

Он вышел вслед за Розой, безмолвно наблюдая, как она возится с замком. Проснувшийся внутренний голос настойчиво убеждал его немедленно уйти (и не просто уйти, а убежать, причем исключительно по лестнице), но он опять словно впал в наркотический ступор.

Скрипнула дверь, и Роза обернулась.

– Идем, идем, – ухмыльнулась она, переступая через порог.

«Ведьма зовет тебя в гости… в гости, в Пряничный домик», – прошелестел внутренний голос, но было уже поздно – он шагнул вперед, захлопывая за собой дверь.

– Добро пожаловать, – воскликнула Роза, делая пригласительный жест костлявой рукой. – Можешь не разуваться. Включить свет? Мне-то все равно.

Павел повертел головой и обнаружил заляпанный жиром выключатель. Коридор осветился тусклым светом единственной лампочки, свисающей с потолка на перемотанном изолентой проводе.

Сняв пальто, Роза нацепила его на крючок. Туда же последовала потрепанная шляпка.

– Ну, твое мнение насчет рассказа, мой юный друг? Мне кажется, особую пикантность ему придала обстановка повествования, не находишь? Застрявший лифт и все такое…

– Это верно, – согласился Павел. Перед глазами мелькнул кадр вставной челюсти на носовом платке, и он кашлянул, прогоняя видение. – Что же касается вашего рассказа… Оговорюсь сразу, это не шедевр.

Немного помолчав, он добавил:

– Но попробовать сделать из него конфетку стоит.

– Спасибо и на этом, – с легким сарказмом откликнулась Роза. Кряхтя, она сняла сапоги и теперь нащупывала ступнями тапочки.

Павел посмотрел на пакет в руках старухи. Тот самый, который она пихала ему там, в застрявшем лифте.

– Так что у вас за картина в рамке, Роза? – мягко спросил Павел.

– Можешь называть меня на «ты», – улыбнулась она. – После того, что между нами произошло…

– Хватит, – резко оборвал ее мужчина. Его щеки покрылись пятнами. – Не хочу слушать об этом. Дайте, пожалуйста, картину. Вы меня заинтриговали.

– Пожалуйста.

Она протянула Павлу пакет и, скользя по стенке руками, двинулась к ванной. Вскоре оттуда донесся звук льющейся воды.

Мужчина быстро извлек из пакета массивный прямоугольник. Из-за упаковочной пленки разглядеть изображение было невозможно, и Павел, подцепив ногтем край полиэтилена, принялся его торопливо разматывать. Когда последний слой соскользнул, с его губ сорвался облегченный вздох.

Море и небо. Солнце над небом. Неуклюжая мазня начинающего художника.

Похоже, Роза догадалась, о чем думает Павел, и крикнула из ванной:

– А ты решил, что там татуированная кожа?

«Да, именно так я и решил», – мысленно произнес он, убирая картину обратно в пакет. Подумав, сунул туда же комок упаковочной пленки.

Вода в ванной продолжала литься. Похоже, Роза смывала макияж.

«А может, она полощет рот», – предположил внутренний голос, и Павел нервно хихикнул.

– Можешь пройти в комнату. Прости, у меня не убрано, – раздался голос Розы.

Помешкавшись, Павел осторожно направился дальше по коридору. Со стен свисали отклеившиеся лоскутья обоев доперестроечных времен, рассохшийся шкаф у стены был забит старыми журналами, облезло-вспученный паркет скрипел и стонал под каждым его шагом. В воздухе витал запах пыли и чего-то

прогорклого, вроде подпортившейся пищи.

Ближайшая комната была открыта, и он с любопытством заглянул внутрь. Продавленный облезлый диван с разобранной постелью, допотопный стол с выцветшей скатертью, покосившийся шкаф, старый телевизор «Сокол» с толстым слоем пыли на экране.

Павел двинулся дальше. Следующая комната была заперта на ключ, и он, тщетно подергав за ручку, приблизился к третьей двери. Затаив дыхание, потянул на себя, и та с тихим поскрипыванием открылась. Павел бесшумно проскользнул внутрь, окунувшись в душные сумерки, – занавески в комнате были плотно задернуты, и он различал лишь расплывчатые контуры предметов. Ноздри защекотал тяжелый запах, горьковато-затхлый, какой обычно бывает на помойках.

Нащупав выключатель, он щелкнул кнопкой. Бесполезно, свет в помещении не работал.

«Или лампочка перегорела, или с проводкой проблемы. А может, и то и другое».

Осторожно приблизившись к окну, Павел отодвинул занавески, поймав себя на мысли, что вонь стала сильнее. Когда в комнате стало чуть светлее, он оглянулся, едва не подскочив на месте. В глотке застрял рвущийся наружу крик.

У стены на убогой кровати, прямо на замызганном матрасе, неподвижно лежал костлявый старик. Ноги слегка раздвинуты, руки в полусогнутом положении, как у бегуна, ожидающего сигнального выстрела для старта. Заскорузлый от грязи матрас под стариком был испещрен мутными потеками. За исключением черных трусов, на нем ничего не было. Глаза закатились, на Павла тупо пялились затуманенные белки. Кожа мужчины была изжелта-грязного цвета, с синюшными пятнами.

«Труп», – холодея, подумал Павел, глядя на застывшее лицо незнакомца. Поморщился, глядя, как из приоткрытого рта мертвеца выполз таракан. Пошевелив усиками, насекомое заторопилось обратно в раззявленный рот.

Сзади послышались тихие шаркающие шаги, и Павел резко обернулся.

– Это мой муж, – спокойно произнесла Роза. Без макияжа ее лицо стало совсем дряхлым и было похоже на старую луковицу, которая завалилась за плиту и потихоньку гнила, чернея и съеживаясь. – Он умер сегодня утром. Все никак не займусь им. Дела, видишь ли.

– Дела, – эхом отозвался Павел, сглатывая подступивший комок. Он ощутил, что еще немного, и его вырвет. Он вышел в коридор, устало прислонившись спиной к стене. – У вас дома лежит труп мужа, а вы отправляетесь в багетную мастерскую?!

– Конечно, – кивнула Роза. – Мне позвонили и сказали, что рамка готова. Я пошла и забрала ее. Что здесь такого?

Павел умолк, пытаясь вникнуть в столь убийственную и простую до идиотизма логику.

Таракан вновь показался изо рта старика, будто проверяя, ушли ли непрошеные гости. Очевидно, решив, что в ротовой полости умершего будет куда уютней и безопасней, он повторно скрылся между пожелтевших зубов.

– К тому же, – продолжала Роза, – у нас была договоренность с тобой. Я не хотела переносить встречу – вдруг что-нибудь бы сорвалось? Этот рассказ очень важен для меня. Так как насчет кофе?

Она нащупала локоть Павла и медленно провела пальцами по его напрягшемуся бицепсу.

– Или чего покрепче? – промурлыкала старуха. – У меня есть армянский коньяк. И лимончик в холодильнике. Ты любил в детстве дольку лимона, посыпанную сахаром? Когда я болела, мама мне всегда давала…

Павел повернулся к ней. Его лицо разительно преобразилось, на этот раз на нем блуждало злобное веселье. Он склонился над старухой и свистящим шепотом спросил:

– Долька лимона, говоришь? Да не вопрос. Хочешь, чтобы я тебе вдул, Роза?

Протянув руку к блузке старухи, Павел ущипнул ее за грудь. – Признайся, хочешь.

Роза вздрогнула, охнув. Дрожащей рукой нащупала его ладонь и сунула ее себе в промежность.

– У меня… так давно… – задыхаясь, проговорила она. – …не было… мужчины… мой муж… ох!

Спотыкаясь, она с необыкновенной силой потащила Павла в комнату с диваном и, скинув тапочки, принялась стаскивать с себя платье. Вскоре на пожилой женщине остались лишь черные чулки в крупную клетку и бусы из прозрачного янтаря. Обвисшие груди с темно-коричневыми сосками болтались словно презервативы, наполненные водой, они практически касались ее бледных ног в фиолетовых прожилках. Над пупком, опоясанным сеточкой складок, пестрела выцветшая татуировка в виде бабочки. Из-за рыхлой кожи и глубоких морщин она выглядела так, будто во время полета случайно попала под струю дихлофоса. Сквозь сетку чулок просвечивали искривленные пальцы ног, ногти которых были покрыты серебристым лаком. По дрябло-морщинистому телу Розы пробегала жаркая дрожь. Роза плотоядно облизнула губы и плюхнулась на диван, призывно раскрыв объятия.

Между тем Павел лишь снял с себя влажную от пота рубашку. Кинув ее на стол, он шагнул к старухе, которую буквально трясло от распиравшего возбуждения.

– Ты где, Павлик? Иди ко мне, – проворковала она, крутя по сторонам своей черепашьей головой. Жидкие апельсиновые волосы колыхались, как водоросли на дне мутного пруда. – Мой розовый бутончик еще сохранил для тебя живительную влагу.

Павел присел на краешек засаленного дивана, и тот послушно скрипнул, словно здороваясь.

– Обними меня, Розочка, – тихо попросил мужчина, и старуха, выдохнув, жадно прильнула к нему. Павлу показалось, что к нему прислонился теплый кусок печени, только что разогретый в микроволновке. Вот только руки, как всегда, были холодными, словно вены и сосуды в пальцах смерзлись в кристаллики льда.

– Такой сильный… Такой мужественный, – бубнила она, жадно поглаживая Павла. Ее руки сместились на мускулистые плечи мужчины, затем передвинулись на спину. И тут же отдернулись назад, словно обжегшись.

– Что… что у тебя со спиной?

Узловатые пальцы, подрагивая, с опаской коснулись спины. Подушечки пальцев нащупали шишкообразные рубцы и шрамы, которыми была усеяна вся спина Павла, от шеи до поясницы. Розе показалось, что она трогает застывшую лаву, непробиваемо-черствую, будто камень.

– Наверное, сейчас самое время внести небольшие коррективы в твой рассказ, Розочка, – хрипло произнес Павел. Он легонько толкнул старуху, но этого было достаточно, чтобы она беспомощно опрокинулась на спину, прямо как черепаха. Ее сморщенное, напоминающее печеное яблоко лицо исказилось в страхе:

– О чем ты?!

– Я просто предлагаю тебе свой вариант рассказа, – пояснил Павел с ухмылкой. Он снял с Розы очки, внимательно вглядываясь в мертвые, ничего не видящие глаза.

– Мой рассказ будет более коротким. Жила на свете одна сумасшедшая стерва. И сошлась она как-то с одним богатым шизофреником. У него было хобби – собирать татуировки как с живых, так и с мертвых тел. Если с мертвыми все было ясно, то с живыми было чуток сложнее. Но у богатых есть деньги на любой каприз. Этот псих выкупал куски кожи с понравившимися картинками, понимаешь, Роза? Он покупал «живые» тату, и его плата начиналась от бутылки водки спившимся забулдыгам и заканчивалась тысячами баксов, которые он предлагал вполне обеспеченным людям… И вот как-то раз эта стерва заявляет, мол, когда-то у нее был молодой любовник, и вытатуированная на его спине женщина уж очень похожа на нее. Якобы у этого парня была любимая девушка и потом она умерла. И что ты думаешь, Роза? Этот шизик как с цепи сорвался, так он захотел найти этого человека. В конце концов он отыскал его и предложил сделку. Но парень с тату на спине отказался. Целостность и красота его спины оказались для него важнее, чем пара тысяч долларов. Тогда решили действовать радикальным методом. Нет, парню не стали рубить руки и ноги, как в твоем «шедевре». Его просто вывезли ночью в лес, избили и срезали кожу с

татуировкой, а самого, еще живого, скинули в речку, словно мешок с дерьмом. Псих обработал срезанный кусок кожи, как таксидермист шкуру животного, и поместил его в красивую рамку с позолотой. Этот «подарок» очень понравился стерве… Уроды, которые выкроили со спины парня тату, думали, что он утонул. Они бы сильно удивились, если бы узнали, что бедняга выжил. И в один прекрасный день он решил вернуть свою часть тела. Часть тела, которую забрали у него много лет назад.

Павел склонился над побелевшей как мел Розой. На его искаженном от ярости лице жирными каплями блестел пот, глаза источали такую испепеляющую ненависть, что, казалось, взглядом можно было резать сталь.

– Ну как, сходится дебет с кредетом, старая калоша? Рассказать, ху из ху в этой печальной повести? – прошипел он.

– Паша…

– Не называй меня Пашей, блевотина, – скорчил физиономию Павел. Он хлестко ударил старуху по щеке, и та вскрикнула от боли.

– Я все-таки напомню тебе. Ты – та самая сука, – процедил он. – Анжела, е…ся в кружечку, что называется. Придумала же себе псевдоним. Жаль, ты не можешь взглянуть на себя в зеркало. Тебе больше подходит какая-нибудь Параша Филимоновна, а не Анжела. Коллекционер тату – тот дохлый хрен, что сейчас разлагается в твоей спальне. Как там его, Олег? А парень, который пришел за своим, – я. Дошло до твоих куриных мозгов? Узнала меня, наконец? Через двадцать лет? Кстати, с моим возрастом ты ошиблась намного больше, чем на год. Мне уже давно не тридцать семь.

Он с силой сжал сморщенные соски старухи, и она завизжала. Из потухших глаз хлынули слезы.

– Все-таки бог есть на свете, – удовлетворенно кивнул Павел. Он сунул руку в карман, выудив небольшой скальпель в пластиковом чехле. – Ты что, думала до старости прожить в шоколаде? Хрена с два. Твой мужик разорился, и его свалил паралич. А ты ослепла и превратилась в размалеванное огородное пугало. И все, что тебе осталось, заказывать рамки для дешевых каляк-маляк и отсасывать незнакомцам в лифтах. Кстати, где моя татуировка? Небось там, в запертой

комнате?

Роза торопливо кивнула. Павел буквально засиял, как начищенная монета.

– Я так и думал.

– Пожалуйста, Павел, – захныкала она.

– Я кое-что приготовил для тебя, чучело, – сказал он, вынимая скальпель из чехла. Он придирчиво оглядел сверкающее в свете люстры лезвие, сдул с него едва заметную ворсинку. – Я ведь скульптор. После того как я пришел в себя, я изготовил из гипса твою голову. Точь-в-точь, с прической, глазами, ртом… Причем в натуральный размер. Осталось теперь оживить ее. Правда, с тех пор ты немного пообтрепалась, но думаю, кожа сядет нормально.

Он легонько провел скальпелем по морщинистой шее старухи, заботливо обогнув крупную родинку с торчащими волосками.

Роза вздрогнула, почувствовав острую кромку лезвия на коже. Обжигающую прохладу ножа нельзя было спутать ни с чем.

– Ты убьешь меня? – прошептала она.

– Нет. Я просто срежу с тебя физиономию и наклею ее на твою башку из гипса, – объяснил Павел. – Потом привяжу тебя к кровати с твоим благоверным. Видеокамер тут нет, номер, по которому я с тобой вчера договорился о встрече, левый. Так что меня никто не найдет.

– Кис-кис, – всхлипнула Роза.

Павел нахмурился.

– Совсем с дуба рухнула, калоша? – удивленно спросил он. – Ладно, я не собираюсь у тебя сидеть всю ночь.

С этими словами он приставил скальпель к коже лба старухи, там, где начинаются волосы, и надавил. Выступила кровь, ручейками заструившись по

сморщенному лицу Розы.

– Кис-кис! – завизжала она, и краем уха Павел уловил едва различимое движение в коридоре. Что за чушь? У нее кошки?

«Нет, – шепнул внутренний голос. – Ее старик жив. Тебе просто показалось, что он умер. И сейчас он крадется по коридору на помощь этой старой кляче…»

В какое-то короткое мгновение от этой мысли Павла прошиб озноб, но он быстро взял себя в руки. Тот старый пень мертв, а в потусторонние силы он не верил.

Старуха билась и извивалась, как ошпаренная кипятком дворняга, пытаясь выскользнуть из хватки мужчины, и он стиснул ее костлявое горло. Роза захрипела.

– Кис… ки…

Погрузив лезвие в кожу, Павел начал медленно обводить скальпелем ее искаженное лицо. От нехватки кислорода оно приобрело цвет испорченной свеклы. Кровь лилась из увеличивающегося разреза, образуя на покрывале влажное пурпурное облако.

– Ки… – прошипела Роза, пытаясь ухватиться скрюченными пальцами до руки Павла. От напряжения вставная челюсть старухи выскочила изо рта, блестя слюной и перламутровыми деснами.

В коридоре что-то со стуком упало.

Павел замер со скальпелем в руке. С потемневшего от крови лезвия сорвалась рубиновая бусинка, упав прямо в распахнутый рот хрипящей старухи. Он разжал пальцы, выпуская ее горло, и Роза закашлялась, извиваясь на запятнанной кровью постели.

Павел медленно слез с дивана и бесшумно шагнул к двери. Выглянул, чувствуя, как где-то внутри паника начинает неумолимо расправлять свои кожистые шершавые крылья. По коридору к нему, покачиваясь из стороны в сторону, медленно ковыляла грузная женщина, облаченная в грязную ночную рубашку.

Сквозь спутанные сальные волосы поблескивали льдинки глаз. В правой руке незнакомка волочила черенок от лопаты.

Павел попятился обратно, и в эту секунду за спиной скрипнула дверца шкафа.

– Киф… киф, – едва ворочая языком, прошамкала Роза. Она села, ощупывая края раны, из которой продолжала сочиться кровь.

Павел обернулся.

Из шкафа, тяжело и натужно кряхтя, вывалилась… еще одна женщина. Толстая, в замызганной ночнушке, с паклями свалявшихся волос – точная копия той, что ковыляла по коридору с палкой. В отличие от своего двойника вылезшая из шкафа сжимала в руке громадный молоток. С ее слюнявого рта, обезображенного заячьей губой, тянулись нити мутной слюны.

– Мур-мур, – пробасила она, надвигаясь на Павла словно цунами.

Из коридора в комнату заглянула толстуха. В ее холодных, маленьких глазках мерцало тупое любопытство.

– Мяу, – хрипло сказала она и выставила вперед черенок от лопаты словно копье.

Павел метнулся к истекающей кровью Розе, приставив к ее горлу скальпель.

– Мур-мур, – ухмыльнулась вторая женщина, помахивая в воздухе молотком.

– Только двинься, блядина! – завопил Павел, переводя лихорадочный взгляд с одной на другую. – Я вскрою ей глотку!!

– Ма, на тебе кровь, – сказала женщина, втискивая свое громадное тело в комнату. Она медленно шаркала вперед, продолжая держать перед собой палку. Совершенно некстати Павел обратил внимание, что на ней один тапочек, вторая нога, толстая и распухшая, словно колонна, была босой.

– Убейте его. Загрызите, – прохрипела Роза, с клацаньем вставив в рот искусственную челюсть.

– Мур, – хмыкнула толстуха, вылезшая из шкафа, и вдруг резко взмахнула рукой. Тяжелый молоток, мелькнув в воздухе, ударил Павла точно в лоб кованым бойком.

Короткая, отсвечивающая серебром вспышка, и он провалился в зыбкую ночь.

– …давай еще стежок… давай, говорю. Ой! Полегче! Я же тебе не носок дырявый!..

Голос Розы царапал слух, он медленно плавал над мужчиной, словно ядовитое облако. Превозмогая боль, Павел с усилием раздвинул веки. И тут же сомкнул их вновь, ослепленный жгучим светом ламп.

– …черт, больно… – выругалась Роза.

– Я стараюсь, ма, – послышался грубый женский голос. – Теперь остался только узелочек… Ну вот и все.

«Кто-то из этих грязных жирных сук», – злобно подумал Павел. Он снова открыл глаза, на этот раз резь в зрачках была не такой мучительной. Разбухший лоб полыхал и стрелял хлесткой болью, словно туда загнали раскаленный штырь. Он попытался сесть и был несказанно удивлен, ощутив, что не может даже шевельнуться. Скосив взгляд, ему удалось разглядеть собственное тело, неестественно вытянутое и бледное. Оно было распластано на секционном столе, руки и ноги раздвинуты в стороны и крепко, до ломоты в суставах, стянуты ремнями из грубой кожи.

«Я голый», – вспыхнуло в мозгу, и волоски на загривке Павла встали дыбом. Что с ним будут делать?! Кромсать на куски?! Поливать кипящим маслом?!!

Он повернул голову и увидел Розу. С озабоченным видом старуха ощупывала стежки на полуовальном разрезе, который успел прочертить на ее лице скальпель Павла.

Теперь длинная рельефно-изогнутая рана, тянущаяся от левой брови до правой скулы, была аккуратно зашита. Несмотря на ужас и абсурдность происходящего,

Павел подумал, что в таком виде Роза как никто лучше претендует на главную роль в фильме о Франкенштейне.

На старухе были рваные джинсовые шорты, которые она напялила поверх сетчатых чулок, и застиранная майка «Ганз’н’Роузез». Из уголка рта свисала тлеющая сигарета. Чопорная дама с изысканными манерами, которую Павел встретил пару часов у подъезда, превратилась в хиппующую старую шлюху с косяком травы в искусственных зубах.

Рядом с Розой с ноги на ногу переминались те самые толстухи в засаленных ночнушках. Одинаковые пухлые лица с тусклыми животными взглядами, носы картошкой, заячьи губы, с которых безостановочно капала слюна, однозначно указывали, что перед ним близнецы.

«Близнецы-дауны», – поправил Павел себя. Впрочем, ситуация от этого легче не становилась.

– Насколько дерьмово я выгляжу, дочки? Говорите смело, мои киски, – сказала Роза, выпуская дым. – Я готова к любой правде.

– Не хуже, чем обычно, ма, – сказала одна из толстух, с хлюпаньем подхватывая языком нить слюны.

– Не хуже и не лучше, – подхватила вторая. – Ты выглядишь так, будто кто-то хотел отрезать тебе лицо.

– Дуры, – заключила Роза, сплюнув. – Могли бы и комплимент матери сделать.

– Ты клевая, ма, – глупо улыбаясь, промычала первая.

– Вы чуть не опоздали, – строго сказала старуха. – Какого черта вы так долго возились? Еще полминуты, и ваша ма осталась бы без рожи.

– Я уснула, ма, – призналась первая, шмыгнув носом. – В шкафу так тепло… Мне снились кролики.

– Отлично, – поморщилась Роза. – Я надеюсь, что кролики в твоем сне играли на фортепиано, а не занимались тем, о чем в приличном обществе не принято говорить… А ты, Глаша? Тебе кто снился? Ежики?

Толстуха потупила взгляд.

– Я запуталась, – выдавила она, почесав под мышкой. – Я думала, что «кис-кис» значит «сиди тихо».

Роза стряхнула пепел прямо на стол, на котором лежал Павел.

– Идиотки. Защитницы, едрить вас в задницу. Всего два сигнала, которые я вам вдалбливаю уже целый год. «Кис-кис» – мама в беде. «Брысь!» – сиди тихо. Неужели трудно запомнить?

– Нет, ма, – одновременно пробасили близнецы.

– Эй, – тихо позвал Павел, и все трое обернулись.

– Проснулся? – возбужденно хихикнула Роза. – Это хорошо. У Даши хорошо поставлен удар. Я уж думала, она твою башку расколет, как тыкву. Мои кошечки сильные. Скажи спасибо мне, иначе они тебя бы растерзали. Решила пожалеть тебя в последний момент…

Павел облизал пересохшие губы.

– Роза…

– Ты, похоже, невнимательно слушал мой рассказ, Павлуша, – снова заговорила Роза, не дав ему договорить. – Помнишь, у Анжелы и Олега были две дочки-близняшки? Вот они, мои кошечки… Если я привожу к себе любовника, я громко говорю «брысь». Они тихонько прячутся по углам и терпеливо ждут, когда я закончу. Но попадаются вот такие подлые говнюки вроде тебя. И тогда я зову своих кисок на помощь. Всасываешь, ущербный?

– Послушай, развяжи меня, – попросил Павел, стараясь не встречаться взглядом с толстухами. Они таращились на него с таким видом, как умирающий от голода

смотрит на витрину продовольственного магазина. Женщины тяжело задышали, облизывая влажные губы, их громадные рыхлые груди заколыхались словно желе. Вся верхняя часть ночных рубашек этих сумасшедших была темной от слюны.

– Ага, разбежалась, – закудахтала от смеха Роза. – Когда я тебе предложила себя, как ты мне отплатил? Ножом все лицо истыкал. Нет, ты утратил мое доверие. Кстати, познакомься, мои дочки-кошечки. Даша и Глаша.

Павел тупо проследил за жестом старухи. Как по нему, эти две чумазые бабищи больше напоминали жирных бегемотих, нежели «кошечек». Да и выглядели они совершенно одинаково, и отличить, какая из них Даша, а какая Глаша, было вообще невозможно.

– Если тебе сложно определить, кто из них кто, посмотри на ноги. Я купила себе тапочки в виде утят, так они у меня их забрали и поделили между собой, – улыбнувшись, сказала Роза. – У Глаши на правой ноге, у Даши на левой.

«На хрен мне это сдалось», – угрюмо подумал Павел.

Затушив окурок об глянцево-прохладную поверхность стола, Роза мелкими шажочками приблизилась к Павлу.

– А я ведь тебя узнала, дурачок, – тихо произнесла она.

– Узнала?

Как загипнотизированный, он смотрел на подсохший разрез, обрамляющий высохшее лицо старухи, который был стянут швами.

Кое-где сквозь швы проступили капельки крови.

– Конечно, узнала, – подтвердила Роза. – Думал, я выжила из ума за эти годы? Я сразу узнала твой голос по телефону. Ты считал, что я уже не помню, куда обращалась со своим рассказом. Выдумал какой-то «Фортекс»… Но даже если бы я не узнала тебя по голосу, твой член выдал тебя с головой. Я всегда запоминаю, какой из них был во мне. Так-то, Павлуша.

– Он тебя трахал, ма? – спросила Даша. От смущения ее рыхлые щеки покрылись розоватыми пятнами. Глаша тоже покраснела и пихнула сестру в бок. Они захихикали, и кто-то из них громко пукнул. Смех мгновенно оборвался.

– Кто это сделал? – строго спросила Роза, повернувшись к дочерям.

– Она, – одновременно произнесли «кошечки», ткнув сосискообразными пальцами друг в друга.

– Пускать газы в приличном обществе – верх бескультурья, – веско заметила Роза. – Поняли, вонючки? В следующий раз бегите в туалет или пользуйтесь затычками.

Толстухи синхронно закивали, сальные патлы тяжело болтались, как шнуры на грязной швабре.

– Ма, надо что-то делать с па, – сказала Даша, ковыряясь в носу. Вытащив клейкую соплю, она посмотрела на нее, как ювелир на редкий камень. – Он ничего не говорит и весь холодный.

– Что с ним делать, что с ним делать… – проворчала Роза, будто мысль о том, что в соседней комнате лежит мертвый муж, посетила ее впервые за день, отвлекая от более насущных дел. – Ласты он склеил, вот что. Надо ночью вытащить его наружу и отнести на свалку. Там много голодных собак.

– Он тяжелый, ма, – с сомнением произнесла Глаша. Взглянув на сестру, она тоже сунула грязный палец в нос. Ничего там не обнаружив, она вытащила его обратно, лизнув на всякий случай. Павлу, глядевшему на все это расширенными глазами, начало казаться, что его разум медленно сползает в ущелье безумия.

– Подумаешь, тяжелый, – хмыкнула Роза. – На балконе пила и топор. Постелите тряпки, чтобы не испачкать пол. Потом все уберете. Поспешите, иначе опоздаете на свои мультики.

– Хорошо, ма, – послушно сказала Даша. Ей надоело рассматривать извлеченную из носу соплю, и она вытерла толстый палец об ночнушку.

– Так ты меня узнала? – разлепил губы Павел. Он не мог поверить своим ушам, услышав признание Розы. – И согласилась на встречу?

– Ну и что? Мне казалось, что мы квиты, – отозвалась старуха. – Тем более, ведь не я тебе резала кожу на спине. Это сделал Олег. И, кстати, этого бы не случилось, согласись ты на отступные. Если я не ошибаюсь, Олег предлагал тебе три тысячи «зеленых». А ты нос воротил. Вот и доигрался.

– За эти деньги можно было выкупить из морга бесхозный труп. Набить ему тату и вырезать себе на память, – мрачно отметил Павел.

На лице Розы отобразилось брезгливое выражение, словно она наступила на раздавленную ворону.

– Так неинтересно. Олегу нужен был азарт. Движуха, спор, торги…

Она потрогала его грудь и судорожно выдохнула.

– Сказать честно, твой звонок был как гром среди ясного неба, – призналась она. – Мы ведь думали, что давно умер. Как тебе удалось выжить?!

Она просунула свои ледяные пальцы под спину Павла, поскребла рубец ногтем.

– Твои шрамы напоминают шкуру крокодила, – произнесла Роза, и в ее голосе проскользнули нотки искреннего восхищения. – Я буду ходить по твоей спине босичком, для массажа. Как тебе моя идея, хи-хи? А в перерывах ты будешь писать мой рассказ. Я дам тебе блокнот и карандаш. Никаких гребаных компьютеров и даже печатных машинок. Лев Толстой писал «Войну и мир» вручную, чем ты хуже?

Она убрала руку, с восторженным весельем пробежавшись пальцами по телу мужчины – от груди до паховой области. Павел вздрогнул. Он напряг мышцы, с силой потянув руки в стороны. Затем судорожно задрыгал ногами.

– Не трать силы понапрасну, – посоветовала старуха, очевидно, поняв, что Павел пытается освободиться от ремней. – Не ты первый, не ты последний.

– Ладно, – устало произнес он. – Что ты будешь делать? Резать меня на куски? Морить голодом?

– Не знаю, – Роза с задумчивым видом забарабанила по столу пальцами. – Я, в общем-то, против тебя ничего не имею. Вероятно, на твоем месте поступила бы так же. Кстати, ты хотел взглянуть на свою картинку? А? Она ведь действительно все еще у меня. Хочешь?

Павел вяло кивнул, на мгновение забыв, что старуха слепа, и та раздраженно повторила вопрос.

– Хочу, – покорно сказал он, и Роза что-то зашептала на ухо Глаше. Та понятливо кивнула и засеменила к выходу. Единственный тапок звонко шлепал по ее потрескавшейся пятке. Когда толстуха вернулась, в ее руках была небольшая рамка, укрытая грязной марлей.

– Смотри, Паша, – сказала Роза, начиная разворачивать марлю. Сняв ее полностью, она приблизила «картину» к мужчине. – Узнаешь?

Павел почувствовал, как уголки глаз набухают от влаги.

«Неужели я плачу?!»

Да, это была она. Кусок его жизни. Лоскут памяти и символ гордости. Прямоугольный пласт человеческой кожи, выделанной и высушенной, который заключили в изящную рамку под стекло. Пласт его собственной кожи с изображением чудесной девушки. И, невзирая на то, что со временем вырезанная часть эпидермиса потемнела, покрывшись сетью мелких трещинок, на ней все так же отчетливо виднелся рисунок. Рисунок бесподобно красивой девушки, в которую он был влюблен очень давно. Наверное, целую вечность назад…

– Ты не имеешь никакого отношения к ней, – глухо произнес он. – Она умерла. И в память о ней я сделал татуировку. Ты просто была немного похожа на нее, когда была молодой. Зачем вы отняли ее у меня?! Лучше бы вырвали у меня сердце, чем вырезали спину!!!

– Я могу вернуть ее на место, – сказала Роза, убирая рамку. – Хочешь? Нет ничего проще. У меня есть специальные гвозди с зазубринами на конце.

– С зазубринами, – шепотом повторил Павел. В сознании все еще пульсировал образ любимой, который постепенно растворялся словно дым.

– …да, с зазубринами, – терпеливо повторила Роза. – Это чтобы рисунок держался на твоей плоти. На обычных гвоздях картинка не будет держаться. Кто-нибудь из моих кошечек просто приколотит тебе на спину твой засохший кусок кожи. Честно говоря, мне он особенно не нужен. Тем более что я слепа.

Павел замотал головой. Лишь от одной мысли, что к его спине будут прибивать гвоздями высохшую кожу, пусть даже его собственную, его охватила тошнотворная паника.

– Впрочем, даже если я решу это сделать, это будет не сейчас, – сказала Роза, широко улыбаясь. – Кстати, когда будет свободное время, я покажу тебе коллекцию Олега. Я закрыла ее занавесками, чтобы на них не падал свет – от этого портится рисунок.

Она нежно погладила гениталии Павла, и тот с ужасом почувствовал растущую эрекцию. Казалось, член издевался над ним, помимо его воли возбуждаясь под ласками этой высушенной мумии, воняющей табаком и просроченными лекарствами.

– Видишь ли, я и мои кошечки любим секс. Раньше в этом деле нам очень помогал наш па, – сообщила Роза. – Но, учитывая возраст и то, что нас трое, он со временем перестал справляться со своими обязанностями. Приток крови к члену стал совсем слабым, даже проволока, которой мы перетягивали его прибор, не помогала… Ты нам просто богом послан.

Глаша хихикнула, послав ему воздушный поцелуй. От Павла не ускользнуло, что ногти на руке толстухи были чернее ночи, словно она минуту назад вручную разгружала уголь, и его желудок совершил кульбит, подпрыгнув к глотке.

– Роза, ты совершаешь огромную ошибку, – хрипло проговорил он. Мысли, одна чудовищнее другой, зашевелились в мозгу шуршащими лапами.

«Они затрахают меня до смерти».

Только при одной мысли, что на него, роняя слюни и сопли, будут карабкаться эти заплывшие жиром коровы, он едва не потерял сознание. Павла объял стылый ужас, дикий и всепоглощающий.

– Я хочу, чтобы ты поближе познакомился с девочками. С моими кисками. Если ты будешь с ними ласков, я буду хорошо обходиться с тобой, – промолвила Роза, и серьезное выражение ее лица не оставляло сомнений, что она сдержит свое слово. – Мы будет кормить тебя и даже убирать за тобой.

– Ма, можно мне первой попробовать? – робко спросила Даша. Она лизнула палец и сунула его под ночнушку.

Глаша пихнула ее локтем в нависший живот:

– Нет, я первая. Тогда с па ты всегда была первая. Ты…

– Жопой нюхаешь цветы, – перебила ее Даша. Она вытащила руку из-под замызганной ночнушки и понюхала пальцы.

– Чур, я первая! – подняла руку Глаша, словно ученик на уроке. – Первый в ракете, второй в туалете.

– Ладно. Давай на бубль-режики-пупырик? – предложила Даша, и «кошечки» уже приготовились разыгрывать Павла на «камень, ножницы, бумага», как Роза заорала, выходя из себя:

– Молчать! Никаких пупыриков!

Толстухи испуганно затихли, инстинктивно прижавшись друг к другу.

– У вас пока есть работа, – сварливо напомнила Роза. – Марш на балкон. Оттащите па в ванную и принимайтесь за дело. Не забудьте раздеться перед этим, иначе заляпаетесь. На новые тряпки для вас у меня нет денег.

Толстухи, подталкивая друг друга и что-то нечленораздельно бормоча, заторопились из комнаты.

– Роза, не надо, – промямлил Павел, видя, как старуха стягивает с себя майку. – Пожалуйста…

– Первый раз вижу, чтобы мужик отказывался от траха, – пыхтя, проговорила Роза. Справившись с майкой, она начала расстегивать шорты. – Тебе ничего не придется делать, я все сама… Можно сказать, ты теперь член нашей семьи… Большой член… Рабочий…

Шорты полетели на пол, и когда она, ухмыляясь, неуклюже вскарабкалась на стол, из глотки Павла вырвался душераздирающий вопль.

Август, 2018

Денис Назаров

Матерь Бездна

Предисловие составителя

В 2013 году пользователь популярного ресурса www.livejournal.com, зарегистрированный под ником Ssyba24, начал публиковать на страницах своего пустого до того момента блога текст романа, озаглавленный «Матерь Бездна». За день до публикации первой главы автор оставил короткую запись, в которой сообщал, что в основу истории, которую он планирует рассказать, легла так называемая «Тетрадь Москарева» – якобы подлинный дневник известного маньяка из Санкт-Петербурга, пойманного в 2009 году. Для читателей, по какой-то причине не знакомых с этим делом: на счету Алексея Москарева было десять жертв. Каждой из них он присваивал номер, вырезая его лезвием на лбу убитых.

Первой жертве – 304, последней – 313. Следствию не удалось до конца разгадать значение этих чисел. Сам же Москарев после поимки своей тайны не раскрыл, а в скором времени был убит отцом одной из своих жертв.

Среди немногих вещей маньяка следствие не нашло никакой тетради, однако Ssyba24 сообщал, что прочел ее и заимствовал оттуда некоторые записи. Причины своего поступка он объяснил довольно туманно. В дальнейшем, выкладывая новые главы книги, он игнорировал комментарии пользователей и вопросы о подлинности дневника Москарева. Никаких дополнительных пояснений или постов иного содержания в своем блоге не оставлял, но главы романа регулярно выходили в течение года. Завершив книгу, автор перестал вести блог.

Эта история могла бы пройти незамеченной, однако вскоре после того, как была выложена пятая глава, один из известных блогеров, случайно наткнувшись на журнал, где публиковалась книга, рассказал об этом на своей странице. Тогда читателей у Ssyba24 прибавилось, и они начали активно комментировать новые главы, а также строить догадки о дальнейшем развитии событий. На какое-то время блог Ssyba24 стал довольно популярным, его читали, о нем говорили в интернете, но после того, как книга была закончена, забыли, и блог оставался заброшенным, а через некоторое время все посты исчезли. Мне приходилось встречать в Сети самые разные догадки, не один анализ книги и даже несколько упоминаний тех, кто якобы успел увидеть, что до того, как записи из блога исчезли, они ненадолго превратились в бесконечный ряд букв в виде XXXXX. Мне приходилось даже встречать скриншоты, сделанные в тот момент, но утверждать, что они подлинны, я не могу.

Все это заинтересовало меня вовсе не по причине огромного числа затейливых баек, витавших вокруг романа: им я не придавал особого значения. К тому моменту, когда я прочел роман, о Ssyba24 уже никто не вспоминал. Однажды мой старый приятель по институту, единственный, с кем я вот уже десять лет поддерживаю отношения, прислал мне электронное письмо, к которому приложил документ, оказавшийся текстом романа «Матерь Бездна», бережно скопированным из блога Ssyba24. По словам моего друга, он следил за этой историей с самого начала, но из-за нехватки времени копировал новые главы в отдельный документ, чтобы прочесть позже. Приятель советовал мне ознакомиться с романом и обязательно поделиться своим мнением. Поскольку советы кого-то прочесть, особенно если речь идет о незнакомом и, честно говоря, мало кому интересном авторе, я обычно игнорирую, то и роман этот

долгое время висел у меня на жестком диске мертвым грузом. Но все же в один из зимних вечеров, когда мне нездоровилось и я целый день кутался в плед, заливая в себя литрами чай с лимоном, я решил почитать эту книгу. За два дня я буквально проглотил ее и в конечном итоге сделал собственные выводы. О большинстве из них я расскажу лишь в финальном комментарии, дабы не портить читателям впечатление и не навязывать собственные взгляды. Скажу одно: история оказалась куда более странной и запутанной, чем я мог себе представить.

Мне стоило больших трудов найти автора текста и еще сложнее было получить его разрешение на публикацию. Дело в том, что Андрей – тот самый человек, что скрывался под ником Ssyba24 – к тому моменту, когда я смог его отыскать, уже два года страдал тяжелым расстройством психики и находился под постоянной опекой родителей. Большую часть времени он не реагирует на окружающих и почти не двигается самостоятельно. Лишь в редкие дни случаются недолгие просветления, когда Андрей нормально мыслит, общается с родными и ведет себя как совершенно здоровый человек. Однако в последние месяцы его состояние стремительно ухудшалось, а просветления случались все реже. Возможность пообщаться с ним и получить разрешение на публикацию мне пришлось ждать три месяца. Когда же я наконец отправился в далекий сибирский городок, где жил Андрей, мы так и не смогли поговорить с ним лично: он снова вернулся в прежнее состояние, когда ничто в целом мире не могло привести его в чувство.

Эту книгу нельзя назвать романом или сборником в привычном смысле. Я решил назваться составителем по той причине, что помимо оригинальной рукописи я включил в текст записи моих бесед с родителями Андрея, а также некоторые комментарии, которые, по моему мнению, проливают свет на те вопросы, которые могут возникнуть во время чтения. Соответствующие вставки отделены от текста романа, и читатель волен сам решать, стоит ли ему знакомиться с этими материалами или же прочесть только основной текст рукописи.

На этом я заканчиваю свое чрезмерно растянувшееся вступление и предлагаю вам самим погрузиться в странный, немного абсурдный и пугающий мир, созданный Андреем.

Сергей Тарасов,

составитель книги

Ssyba24

Матерь Бездна

Думаю, все вы слышали о Москареве. О тех странных убийствах, что он совершал, о его странной поимке и не менее странной смерти. Так уж вышло, что в мои руки попала его тетрадь – что-то вроде дневника, в который маньяк записывал свои мысли. Я решил написать эту книгу, потому что уверен: эту историю должно узнать как можно больше людей. Я не буду извиняться перед жертвами, их родственниками или говорить, что вся эта история выдумана, а совпадения случайны.

Потому что это не так.

Они влюблены. На**й войну.

Томас Пинчон

А. М.

Сначала из разреза выступило лишь несколько капель, а затем тонкие ручейки крови полились из раны, стекая по бугристой коже лба. Горячая кровь скапливалась в расширенных порах, заливала густые волосы и пачкала руки, сосредоточенно вырезающие ножом последнюю цифру. Рука дрогнула. Тут же прервав работу, мужчина поднял руку с ножом, закусил губу, глубоко вдохнул сладкий и немного тошнотворный запах крови вперемешку с дешевым парфюмом и потом. Успокоился. Снова принялся медленно резать, глубже забираясь другой рукой в грязные волосы. После этого пальцы будут пахнуть всем тем, что он чувствует сейчас, и он знал, что, как ни отмывай их, от запаха не избавиться.

Ноль. Он так не любил нули! И с нетерпением ждал, когда же они наконец закончатся. Он всегда старался быть аккуратным, хоть и понимал, что чистоту

линий и ровно выведенные цифры никто не оценит. Просто он давно решил для себя: если уж взялся за что-то – делай как надо.

Он не хотел доставлять лишней боли и вырезал цифры только после того, как жертва была уже мертва, но тело еще хранило тепло. Да, это очень важно – сделать работу, пока тело еще помнит присутствие души. Впрочем, разве они жертвы? Он ведь не какой-то очередной маньяк, не серийный убийца, не изувер, чтобы там ни говорили газеты, интернет, телевидение… Он старается для них, давно уже не думая о себе. Нести это бремя – великая миссия, но вместе с тем и тяжкий труд.

Подняв фонарь с земли, он встал и посветил вниз, осматривая свою работу.

В тусклом свете плясали неровные тени от высоких зарослей травы. Несмотря на стекающую по лбу кровь, число проглядывалось хорошо.

310

Мужчина тяжело вздохнул. Все это не доставляло ему наслаждения, но и отвращения он не чувствовал. С момента выбора цели до того часа, когда на лбу жертвы появлялся уникальный номер, внутри себя Москарев чувствовал только пустоту. Когда же с делом было покончено, снова возвращались путаные мысли, воспоминания, жалость… Жалость к себе, к Марине и к Юле. Он уже не помнил их лиц – лишь смутные, расплывающиеся образы. Единственная фотография, что он сохранил, была потеряна навсегда, и от мысли, что он, возможно, уже никогда не вспомнит, как выглядели его жена и дочь, становилось тоскливо. Внутри все сжималось в тугой комок, и порой хотелось просто покончить со всем: прыгнуть на рельсы перед мчащимся поездом или сигануть с моста в холодные воды… Но этим их не вернуть.

Путь того, кто избран, не может быть простым. Все эти глупцы – сопляки, едва выпорхнувшие из-под родительского крыла. Они просто не способны понять той цели, которой он служит. Всего лишь напуганные, запутавшиеся детишки, уверенные в том, что посвящены в великую тайну. Они берегут ее, но разве нужно прятать благую весть от других? Когда-нибудь и они поймут, что их проклятый культ давно бесполезен и никому не нужен, но к тому моменту, когда они прозреют, будет уже слишком поздно.

Развернувшись, Москарев направил фонарь на кусты и тут услышал ее. Как всегда, приятное, теплое ощущение, зарождающееся где-то в центре мозга. Сначала это было похоже на легкую пульсацию, но ритм, нарастая, расходился внутри головы, охватывая все тело, и превращался в ровный, тихий звук. В нем Москареву слышалось пение, напоминающее колыбельную, которую напевает нежный голос матери. Она говорила с ним, но делала это без помощи слов, и даже если бы он попытался вычленить из ее посланий некие образы, то лишь запутался бы еще больше. Одно было несомненно – он знал, чего она хочет, и продолжал двигаться вперед, зная, что будет вознагражден. Зная, что цель у него благая.

Она звала его, и он отвечал на ее зов.

Часть первая

«Дочь»

Из полутемной залы, вдруг,

Ты выскользнула в легкой шали –

Мы никому не помешали,

Мы не будили спящих слуг…

Осип Мандельштам

Глава 1

Побег – Свободное плавание – Новая работа

Почему Андрея тянуло именно в Петербург, он и сам до конца не понимал. И проблема была не только в отсутствии перспектив на нынешней работе. Не только в одних и тех же лицах, которые он встречал на улице во время прогулок

или по дороге на работу и обратно. Было кое-что еще.

Город звал его. Иногда он видел странные, беспокойные сны, в которых прогуливался по старинным улицам, затерянным в глубине города дворам и почему-то всегда пустым проспектам. Даже несмотря на то, что в Петербурге он никогда не был, во сне он был уверен, что находится именно там. В этих снах он видел девушку. Не различал ни ее лица, ни фигуры – лишь смутный образ, а иной раз не было и его, но он всегда чувствовал ее присутствие рядом и странный жар. Жар этот не согревал, скорее обжигал…

За три месяца он скопил немного денег и в ноябре купил билет на поезд, попрощался с матерью и немногими оставшимися в городе друзьями, после чего отправился в долгий путь.

Пять суток в плацкартном вагоне, наполненных резким запахом лапши быстрого приготовления и ароматом копченой колбасы, тянулись целую вечность. Но все когда-нибудь заканчивается. Двадцать шестого ноября он вышел на перрон Московского вокзала города Санкт-Петербурга, попав из суровой, заснеженной осени таежного городка в ливень города на Неве.

Первое время после переезда в Петербург все попытки Андрея найти работу не имели успеха. Он размещал свое резюме и ссылки на скромное портфолио на всех сайтах по поиску работы. Безуспешно.

Он пытался зарабатывать фрилансом, чтобы хоть как-то покрывать долю за аренду квартиры, где жил вместе с Семеном – школьным приятелем, переехавшим в Петербург годом ранее.

Пока интересных предложений о работе не поступало, Андрей продолжал усиленно трудиться из дома. Портфолио пополнялось новыми работами, и понемногу заказчики стали приходить к нему по рекомендациям старых. Доходы росли. Вскоре подправленное резюме привлекло интересное предложение. Андрея пригласили на собеседование в крупную студию, открывшуюся всего полтора года назад, но уже с большой базой клиентов и немалым штатом.

Андрея, к его собственному удивлению, легко приняли, посулив хорошую зарплату и возможность роста. И не обманули.

Спустя полгода насыщенной и по-настоящему интересной работы Андрей взял отпуск и отправился на родину, чтобы навестить маму.

А когда он вернулся, начались странности.

Глава 2

Сон в метро – Толпа – Падай!

В то утро Андрей опоздал на работу, уснув в метро и увидев до жути реалистичный сон. В нем он привычно выходил из вагона на «Василеостровской», плелся к эскалатору, сопровождаемый бесконечными толчками людей, слишком спешащих по своим делам, а затем целую вечность поднимался на поверхность.

На улице его встретил ливень и несколько человек, которые не торопились покидать вестибюль.

Андрей вышел на улицу и пристроился у перил. Закурил, наблюдая за тем, как крупные капли разбиваются об асфальт и разлетаются на тысячи еще более мелких капелек. Восприятие его в разы усилилось. Шум дождя эхом отзывался в мозгу, а глаза, что в последнее время ослабли от долгих часов работы перед монитором, улавливали даже самые мельчайшие детали.

Люди, до того стоящие в вестибюле, хлынули на улицу единым потоком, захватив и тех, кто стоял на крыльце (кроме Андрея), и потекли рекой в одном направлении. Андрей сбежал со ступенек и пошел за толпой, намереваясь узнать, куда они все направляются. Толпа шла в сторону «Макдоналдса» через дорогу. Некоторые люди уже стояли у крыльца, но не торопились входить внутрь. Вместо этого они останавливались прямо у входа, блокируя всякую возможность другим выйти или зайти, поворачивались лицом к дороге и, сложив руки по швам, смотрели прямо перед собой невидящими глазами. Подходили все новые и новые люди и повторяли то же самое, толпа росла очень быстро, крыльца не хватало, и вскоре люди начали собираться на дороге. Автомобилисты, вынужденные объезжать толпу, недовольно гудели клаксонами.

Толпа заблокировала проезжую часть и продолжала расти. Андрей заметил притормозившую рядом красную «Мазду», из которой вышел парень в спортивном костюме. Андрей ждал, что тот разгонит людей, но вместо этого парень бросил открытую машину на дороге и присоединился к общей массе. Андрей натянул на голову капюшон и направился в сторону массовки. Пока шел, еще несколько прохожих присоединились к толпе. Группа насчитывала уже не меньше пятидесяти человек, но что странно – никто не удивлялся, лишь отчаянно сигналили автомобилисты, оказавшиеся во внезапной пробке, да и то лишь те, что были в задних рядах, потому как водители, встающие рядом с толпой, покидали машины и спешили влиться в общую массу.

Сначала Андрей решил, что это какой-то странный флешмоб, но, приглядываясь к людям, замечал, что это больше похоже на спонтанную акцию, в которой тем не менее каждый делает одно и то же. Здесь были самые разные люди: дети, подростки, пенсионеры. Андрею стало не по себе: все это выглядело жутко и непонятно. Чем ближе он подходил к внезапно образовавшейся массовке, тем больше ему хотелось броситься прочь. Он заметил полицейских. Пара крупных, смахивающих на боровов мужчин в форме спешили к толпе, и Андрей решил – сейчас-то они всех разгонят. Но каково было его удивление, когда и полицейские присоединились к другим и, сложив руки по швам, уставились в пустоту. Вот теперь уже действительно было не до смеха. Он остановился примерно в трехстах метрах от толпы и оглядел улицу. Ему стало ясно, что абсолютно все прохожие решили присоединиться к общей массе!

Мимо Андрея пробежала девушка на высоких каблуках. Она споткнулась и приземлилась на мостовую коленом. Падение явно было болезненным, но девушка тут же поднялась, ловко скинула туфли и босиком пошлепала по лужам. Когда она развернулась, сложив руки по швам, и подобно остальным уставилась перед собой, Андрей увидел ее разбитое колено. Дождь размывал рану, и тонкие струйки крови сбегали по ноге, но девушку это совсем не волновало.

Взгляд Андрея буквально приклеился к ране: он не мог отвести от нее взгляда, наблюдая за замысловатым узором, который выписывали потеки крови на ее бледных ногах. Пока наконец не опомнился и, подняв глаза, не увидел, что толпа стала еще больше, а не присоединившихся к ней людей попросту не осталось. Он же не испытывал никакого желания встать с другими плечом к плечу.

Они напоминали зомби. Не тех мерзких, разлагающихся мертвецов, которых показывают в кино. Этими людьми управляло нечто.

Потом вдруг вся толпа, синхронно, как единый организм, повернулась к Андрею. Сотни глаз впились в него, и он чуть не вскрикнул. Колени затряслись, и в один миг ему стало невыносимо холодно. Он выдохнул облако пара и посмотрел в глаза девушки с разбитым коленом. Ее лицо показалось ему знакомым, но он никак не мог понять, где видел его раньше. След давно забытого сна, призрак далекого прошлого. В этих одновременно добрых, растерянных, грустных, злых и заботливых глазах он, как в отражении, видел себя. Бесконечные копии себя в каждом блике.

Сотни ртов раскрылись одновременно и выкрикнули единым голосом:

– ПАДАЙ!

Софья Григорьевна.

Мать Андрея.Запись № 1

– Софья Григорьевна, расскажите про тот случай в лесу. Постарайтесь вспомнить все подробности.

– Андрею тогда пять лет было. Мы пошли с друзьями на шашлыки. Есть у нас небольшой лес, недалеко от дома, он начинается за железнодорожными путями. Точнее, путей там уже нет, рельсы давно убрали, остались только гниющие шпалы.

У наших друзей дочка, Владой зовут. Ей тогда девять было. Хорошая девчушка. В общем, присматривала она за Андреем, пока мы костер разводили да продукты раскладывали. Конечно, я тоже приглядывала, чтобы далеко не уходили. Так вот играли они рядышком, собирали какие-то шишки, хохотали без конца. Когда шашлыки пожарили, прибежали поесть. В общем, расслабилась я, немного выпили, чего уж таить? Следить как-то перестала, а потом вдруг поняла, что не слышу смеха. Тут же давай по сторонам смотреть – и не вижу ни Андрея, ни Влады. Подскочила, а у самой сердце прям из груди выпрыгивает. Семеновы –

друзья наши, Влады родители – на меня глядят и понять не могут, потом сообразили и тоже по сторонам смотрят. Кругом лес, а детей не видать! Принялись мы звать их, Максим на меня кричит, что за сыном не уследила. В общем, началась суматоха. Знали бы вы, сколько я тогда страху натерпелась… Семеновы в лес кинулись, а мы с Максимом по тропинке побежали.

Есть там у нас склон такой, мы его обходили, когда туда шли. Склон-то небольшой, убиться, может, и не убьешься, но руки и ноги переломать – раз плюнуть. Ну и сами понимаете, Андрей маленький совсем был.

И вот мы к этому склону выбежали – вижу, Влада вцепилась в рубашку Андрею, а тот уже на краю склона стоит, нога сползает по рыхлой земле, шаг еще – и полетел бы вниз. Влада изо всех сил его держит, да слышу – ткань-то рубашки трещит, а сам Андрюшка будто ничего не соображает и тянется вперед. Максим тут же бросился к ним, схватил Андрея, Владу оттолкнул. Тут уж мне совсем плохо стало, голова кругом пошла, еле на ногах устояла. Вижу, Максим уже тащит Андрея на руках, тот ревет на всю округу. Влада позади плетется, тоже плачет. Семеновы подоспели как раз.

В общем, когда успокоились все, Влада рассказала, что собирали они шишки… Поспорили, кто больше найдет. Она отвлеклась на секунду, а когда обернулась – видит, что Андрей бежит прочь по тропинке. Растерялась она, нас не окликнула, сама за ним кинулась. Догнала-то легко, хотела поймать, а он вырывается и бежит дальше. Говорит, звала его, кричала, а он не отзывался. А мы ничего и не слышали. Так вот до самого склона они и добежали, она его на краю схватила, а он вырываться стал. Влада хоть и старше, да девочка хрупкая, а Андрей мальчиком крепким был всегда, силы у него хватало.

– Что сказал Андрей?

– Он плакал долго, все успокоиться не мог. Раскраснелся весь, жаром исходил, будто в бреду или болен… А потом как-то вмиг успокоился. Когда спросили, чего он убегал, он сказал…

(долгая пауза)

(тихий кашель)

– Софья Григорьевна?

– Сказал, что она звала его…

– Кто звал? Влада?

– Нет… он сказал, что его позвала мама… Сказал, что пошел туда, потому что мама ему так сказала…

– Потом это повторялось?

– Нет, больше ни разу. Он в тот день больше ничего не говорил… Не хотел говорить, только домой просился и жаловался, что голова болит. Я пыталась с ним поговорить на следующий день, и попозже, и когда он уже постарше стал, расспрашивала, а он – ничего… Забыл. Напрочь.

Глава 3

Теплый день – Офис – Девушка

Послеобеденный перекур на крыльце бизнес-центра закончился. Андрей с Ромой вошли в просторный, но чересчур душный холл бизнес-центра. Подойдя к лифту и пропустив работников, всех как один облаченных в строгие костюмы, парни зашли в кабину. Там странно пахло, чем-то гнилым. Рома тоже почувствовал запах и картинно сморщился. Он нажал кнопку пятого этажа, двери медленно поползли друг к другу.

И тут, откуда ни возьмись, появилась она. Боком проскользнув между закрывающихся дверей, влетела в кабину, успев в последний момент. Лифт слегка вздрогнул и бесшумно пополз вверх.

Запыхавшаяся девушка часто дышала, сжимая в руке гостевой пропуск.

– Вам какой этаж? – спросил Рома.

Девушка, задыхаясь, ответила, что пятый. Роман кивнул, а Андрей довольно нескромно принялся разглядывать случайную соседку. Слишком черные волосы контрастировали с бледным, словно болезненным лицом. Аккуратные черты лица, чистая кожа, слегка вздернутый нос и тонкие губы. Одета в белую блузку, сверху накинут темно-зеленый пиджак, длинная юбка того же цвета, на ногах – легкие туфли-лодочки. Довольно строгий наряд делал ее старше своих лет. В руке она сжимала большую черную папку и без конца поправляла воротник пиджака, рассматривала туфли и делала едва заметные движения руками, которые выдавали непривычность и неудобность ее наряда. Андрей чувствовал, что девушка вся пышет жаром, оно и неудивительно – на улице пекло, но что-то ненормальное было в этом жаре, неуловимо знакомое, вызывающее почти утерянные воспоминания, как в том сне, где он глазел на толпу зомби, толпящихся у дверей «Макдоналдса».

Рома поймал взгляд Андрея и улыбнулся, незаметно кивнув в сторону девушки. На фоне этой строго одетой молодой дамы парни выглядели полными раздолбаями. На Андрее были вылинявшие джинсы, простая белая футболка и стоптанные кроссовки; Рома был одет почти так же, только футболка была горчичного цвета, а на ногах у него красовались плюшевые тапки в виде зайцев, чьи длинные уши волочились по полу, когда Роман бродил по офису своей специфической неторопливой походкой. Эти тапки хранились под его рабочим столом. Каждый раз, приходя на работу, он скидывал кроссовки и облачался в свои плюшевые недоразумения, что, впрочем, выглядело забавно.

Лифт остановился. Симпатичная соседка дернула плечами и откашлялась, готовясь выйти. Андрей заметил, как дрожат ее тонкие руки. Двери разъехались. Она вышла первой и быстро зашагала к офису студии. Андрей с Романом переглянулись, почти одновременно улыбнувшись.

– Похоже, у нас будет новая коллега, – сказал Рома. – По-любому на должность менеджера пришла.

– А я думаю – копирайтером, – ответил Андрей.

– Если я прав, с тебя кофе, – Рома хитро улыбнулся и вышел из лифта.

– А если прав я, то с тебя пинта стаута сегодня вечером.

– Можешь готовить деньги.

Рома, насвистывая, направился к стеклянным дверям офиса, за которыми секунду назад скрылась девушка, но Андрей вдруг остановился. Голова закружилась, наполняясь неизвестно откуда взявшимся гулом и легкой пульсацией. Он оперся рукой о стену и, опустив голову, часто задышал. В один момент стало невероятно душно, на лбу и ладонях выступил пот. Жар накатывал волнами, то отступая, то усиливаясь. Андрей узнал то самое чувство из далеких и почти забытых снов, что мучили его еще до приезда.

Голос Ромы донесся будто издалека. Прикосновение его руки к плечу обожгло Андрея, и он дернулся, сбрасывая руку друга.

– Ты чего? – Рома смотрел на него испуганным взглядом.

Наваждение прошло. Исчезло в один миг.

– Все нормально, – выдохнул Андрей. – Наверное, давление.

– Ты как моя бабушка говоришь.

– Забей, все в порядке. Пойдем уже.

К дверям они подошли молча, но Рома все не сводил с Андрея глаз, не на шутку тревожась за друга.

Из-за дверей доносился неизменно громкий голос Маши – одной из менеджеров, которая, похоже, решала по телефону какие-то вопросы с клиентом. Парни вошли в офис, Рома выкинул пустой стаканчик в урну у двери и зашагал к своему месту, неприятно шаркая тапками-зайцами по полу. Андрей улыбнулся Маше и направился к себе.

Уселся за стол, как обычно пребывающий в полном беспорядке и заваленный кучей бумажек с пометками и торопливо начерченными прототипами текущих проектов.

Первые полчаса Андрей пытался настроиться на работу. Пролистывал ленту «Фейсбука», заглянул в ЖЖ, просмотрел почту, где, впрочем, не было ничего, кроме спама и рекламной рассылки. Наконец он понял, что работа сама себя не сделает, закрыл браузер, чтобы не испытывать соблазна, и взялся за доработку документов для фирменного стиля.

Постепенно он влился в работу, перестав что-либо видеть и слышать вокруг, а также напрочь позабыв как о споре, так и о девушке из лифта, пока громкий, но при этом вполне добродушный бас начальника, Льва Дмитриевича, не вывел его из ступора.

– Андрей!

Он развернулся на своем кресле и заметил, что все сотрудники уже смотрят на директора. Выходит, первый призыв обратить внимание Андрей не услышал.

– Андрей, – сказал Лев Дмитриевич, обаятельно улыбаясь. – Я ценю твою увлеченность работой, поэтому отвлеку тебя лишь на минутку.

Рядом с директором стояла та самая девушка, а это могло значить, что ее, скорее всего, приняли и директор решил представить новую сотрудницу остальным. С ее лица ушла нездоровая бледность и теперь его заливала краска смущения. Не так давно и Андрею пришлось пройти через это. Он бросил взгляд на Рому. Тот развалился в своем кресле и, болтая тапочками-зайцами, хитро улыбался, видимо, ожидая победы в пари.

– Коллеги, – продолжал Лев Дмитриевич, обводя взглядом сотрудников. – Это Елизавета, но она сказала, что будет рада, если вы будете называть ее Лизой. Лиза – наш новый и весьма талантливый иллюстратор. Я буду очень рад, если вы радушно примете ее в нашем коллективе.

Пари никто не выиграл. Андрей взглянул на Рому; тот, скорчив глупую гримасу, пожал плечами.

Лев Дмитриевич, сощурив глаза, осмотрел офис и указал на стол рядом с Андреем, на который был водружен выключенный сейчас «АйМак».

– Устраивайтесь здесь, рядом с Андреем. Это наш очень талантливый дизайнер. Вы пока немного освойтесь и познакомьтесь с ребятами, а если появится желание, можете порисовать. К основной работе предлагаю приступить с понедельника, по текущим задачам вас введет в курс дела Женя – наш арт-директор.

Лиза кивнула.

Андрей хмыкнул. Конечно, насчет очень талантливого дизайнера Лев Дмитриевич чересчур замахнулся. Впрочем, так он отзывался почти о каждом сотруднике.

– Кресло мы сейчас вам организуем… – Лев Дмитриевич торопливо осмотрелся. – Андрей, не прикатишь даме из кухни кресло? Кажется, я видел, что кто-то его туда сегодня укатил. – Директор покосился на Рому, как на виновника пропажи, – тот лишь ухмыльнулся.

Андрей сходил за креслом, а когда вернулся, директора уже не было. Лиза терпеливо ждала у своего стола. Андрей прикатил ей кресло и улыбнулся.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Не за что. Если что-то нужно, говори, не стесняйся.

Она кивнула, уселась в кресло и включила компьютер.

Андрей вернулся на свое место, но до того, как успел повернуться к монитору, краем глаза заметил какое-то движение. Развернувшись, он увидел, как Рома активно показывает на Лизу, трясет руками и улыбается, явно подначивая друга ближе познакомиться с новой коллегой. Андрей улыбнулся, показал Роме средний палец и вернулся к работе.

А. М.

Парень пил воду из бутылки, издавая громкие, противные звуки горлом, отчего Алексею хотелось это самое горло сдавить, а затем разбить голову этого тощего недомерка о грязный бетонный пол.

Мальчишке наверняка едва исполнилось восемнадцать, но сам он себя считал уже чуть ли не главным адептом Матери. То и дело цитировал манифест, перебивал остальных, как они сами себя называли, «братьев» и явно считал себя выше других. Москарева бесило его самодовольство, бесило все их идиотское сообщество. Никто из них не имел права вообще хоть что-то говорить о Матери. Она не общалась с ними, несмотря на их постоянные заверения в обратном.

Они были ничем не лучше подростков, возомнивших себя ярыми сатанистами и собирающихся на кладбище ночью, чтобы осквернять могилы. Единственное отличие – эти ребята не верят ни в бога, ни в дьявола. Да и Мать, как полагал Москарев, всерьез не воспринимают. Но именно она привела его сюда, заставила прийти уже в третий раз, чтобы принять участие в нелепом ритуале, когда они зачитывали манифест, а после делились друг с другом якобы откровениями Матери.

К Алексею они сначала отнеслись с опаской, но, когда он нехотя поделился собственной историей, с радостью приняли его в свои ряды и даже поглядывали на него с уважением, – все, кроме этого тощего идиота. Алексей внутренне посмеивался над ними, просто дожидаясь, когда наконец все это закончится и Мать поведет его дальше.

Парень с водой покосился на Москарева, заметил его раздраженный взгляд и опустил бутылку, громко рыгнув.

Алексей поморщился и пробурчал:

– Когда уже твои дружки явятся?

Худощавый посмотрел на часы.

– Уже должны быть! Но если ждать не хочешь, можешь идти.

Москарев хмыкнул и сплюнул на грязный пол.

Через минуту в помещение старого завода ввалились остальные трое «братьев». Выглядели они почти одинаково, разодетые в модные, но непонятные Алексею одежды. Они называли свои имена, но он их не запомнил, даже лица парней

казались ему одинаковыми. Он смотрел на них сквозь свой внутренний фильтр, который отодвигал на задний план все, что казалось Алексею неважным. У него была цель, на лишнее он не отвлекался.

Парни были навеселе. О чем-то шутили и громко хохотали, но, заметив недовольное лицо Москарева, утомленного ожиданием, вмиг успокоились. Приглушили голоса, перестали ржать.

Пожали руку Москареву и зашептались о чем-то между собой.

Алексей посмотрел на улицу через пустую оконную раму. Солнце почти село: пора начинать, чтобы побыстрее покончить с этим.

Он не понимал, по каким причинам Мать требовала, чтобы он сюда приходил, что он должен тут увидеть? Что могут открыть ему эти недоноски? Но раз так она решила, значит, смысл был. Может, кто-то из них должен стать следующим?..

– Алексей! – позвал один из парней в длинной, болотного цвета куртке ниже колен, напоминающей потрепанный мешок или безразмерное одеяние средневекового крестьянина. – Пойдемте.

Парни двинулись по коридору. Москарев медленно поднялся, размял затекшие ноги и пошел за ними, чувствуя запах табачного дыма, шлейфом тянущегося от них.

Они вошли в небольшое темное помещение без окон. Абсолютно пустое, если не считать разбросанного тут и там мусора, который, вероятно, сами «братья» и набросали. Должно быть, раньше, подумал Москарев, здесь было что-то вроде подсобки или небольшого склада.

Один из парней начал возиться с костром. Дрова еще раньше принес тощий и уложил их в центре комнаты.

Когда огонь разгорелся, на старых бетонных стенах заплясали тени. Пламя искажало силуэты рассевшихся вокруг костра парней, придавало их лицам оттенок чего-то мистического. На мгновение Алексей даже ощутил приятную

атмосферу таинственности.

После того как был зачитан манифест, начались тихие исповеди. Ребята нарочно говорили полушепотом, стараясь придать своим голосам наигранной мрачности и нелепого надрыва. Тощий старался больше всех. Пока он говорил, Алексей несколько раз сдерживался, чтобы не прыснуть со смеху, и прятал улыбку, устроившись дальше всех от костра.

Он ждал. Ждал, когда же все наконец закончится, но тут тощий, совсем вошедший в раж, вдруг повернулся к Алексею и сказал:

– А что ты нам расскажешь? Пришло время поделиться с нами. Или Мать больше не обращается к тебе?

Москарев едва пересилил себя, чтобы не послать ублюдка подальше.

– Ну, так что же? – не унимался тощий.

Алексей оглядел «братьев»: они все смотрели на него.

– Кажется, я вам все рассказал, – сказал он снисходительно.

– Мне этого мало, – сказал тощий. – Думаю, Мать оставила тебя. Может, пришло время уйти и тебе?

– Слушай, кретин! – взорвался Москарев и резко встал. – Прикрой-ка свой поганый рот! Никто из вас, идиотов, никогда не слышал голос Матери! Вы бы штаны свои обмочили, если бы она вас позвала. Вы даже близко не знаете – каково это! Собрались тут в кружок, херней страдаете, в уши друг другу помои льете!

– Полегче, дядя, – ответил парень в длинной куртке.

Алексей тяжело дышал. Он чувствовал облегчение от того, что наконец-то выговорился, но, с другой стороны, понимал, что эти молодчики при желании легко его закопают прямо здесь после таких слов.

– Знаешь, – сказал тощий. – Мне кажется, Мать выбрала жертву. Этот дядя не зря к нам пришел.

Москарев фыркнул.

– Смешно тебе? – Тощий забавлялся, покручивая в руках незажженную сигарету.

– Да, – ответил Алексей. – Мне смешно!

Он втянул воздух ноздрями и закашлялся. Воняло гнилью.

Парни тоже стали принюхиваться.

– Чуете? – спросил кто-то из парней. – Вонь какая!

– Да это старик обделался, – хохотнул тощий, но вдруг его лицо исказила гримаса. – В натуре воняет – жесть…

Москарев улыбнулся. Ему был знаком этот запах. Что-то грядет, что-то важное. Мать проявляет себя, значит, он все сделал правильно.

– Что за херня?! – вскрикнул вдруг тощий и подскочил. Он показывал пальцем на стену и весь трясся.

Все повернулись и посмотрели, куда он указывал. Стена дрожала. В отблесках пламени на ней влажно блестело что-то бледно-красное, словно воспаленный нарыв или раненая кожа. Плоть, покрытая крупными порами.

– Бля, – выдохнул лысый парень. – Это ты сделал? – выкрикнул он, повернувшись к Алексею. И, не дожидаясь ответа, кинулся прочь из комнаты мимо смеющегося Москарева.

– Саня, Саня, валим! – крикнул тот, что в длинной куртке.

Еще один из «братьев», до того хранивший молчание, бросился бежать.

Москарев видел, как плоть стремительно покрывает стены, двигаясь все быстрее, и вместе с этим в комнате становилось невыносимо жарко. Темнота уступала красному мареву, похожему на туман, – дыханию самой Матери. Плоть стала проступать на полу.

– Нахер все! – выкрикнул тощий и, схватив за плечо приятеля, кинулся прочь.

Алексей остался один. Он и не думал уходить. Более того, был уверен, что и этим утыркам далеко не убежать. Он продолжал стоять на месте и улыбаться, пока плоть не настигла его. Она забиралась выше, оплетая его ноги, затем торс, шею и руки.

Мать дарила ему новые, обжигающе горячие одежды. Возвращала в утробу, которую он когда-то покинул. Он словно возвращался домой. Слышал ее сердцебиение, ее дыхание, ее голос.

Она звала его.

Глава 4

Похмелье – Синхронность – Бродяга

Андрей уже четверть часа сидел на диване, наслаждаясь тем, как холодит ступни старый, местами вздыбившийся линолеум, и пытался прийти в себя. Хоть спор никто и не выиграл, но на пару с Ромой они выпили куда больше, чем по пинте. Казалось, что он вовсе не спал. Голова разрывалась от боли, живот крутило, а во рту стоял мерзкий вкус, будто вчера он пил не пиво, а жрал сырую землю. Хотелось лечь обратно, но он прекрасно понимал, что ему все равно не уснуть, а весь оставшийся день безвозвратно потерян. Настенные часы показывали половину двенадцатого. В квартире стояла звенящая тишина, в которой лишь оглушительно тикали стрелки настенных часов, и каждый этот удар взрывался в мозгу Андрея, доводя того до исступления. Правильнее было бы спать дальше, но сон ушел и возвращаться не планировал.

Семена дома не было – куда-то умотал или вообще не ночевал дома. На полу обложкой вверх лежала раскрытая книга «История Лизи». Значит, Андрей, повинуясь своей дурацкой привычке, все же читал вчера на пьяную голову. Возможно, даже прочел страниц десять, прежде чем вырубиться, и, конечно же, ровным счетом ничего не запомнил. Имя на обложке заставило его вспомнить о синхронности. Он еще в детстве замечал все эти странности, а недавно Рома напомнил об этом явлении. Он рассказывал, что недавно читал книгу про Индию, а буквально через пару дней случайно наткнулся на индийскую лавку, которая, оказывается, уже лет пять как была рядом с его домом, да только он ее не замечал. Тем же вечером Анька предложила ему посмотреть индийский фильм, а еще через пару дней на улице к Роме пристал какой-то индус, заблудившийся в центре.

Поднявшись, Андрей вышел в коридор и, придерживаясь за стены, побрел в сторону ванной, чувствуя, что еще не до конца протрезвел. Его слегка мотало и подташнивало. Как вообще он вчера добрался домой? Он хорошо помнил тихий джаз, игравший в баре, но все, что происходило после… Когда местная певица начала петь на ломаном английском… Все стерлось из памяти. В какой-то момент наступила та критическая отметка, которую он слишком давно не пересекал.

В ванной он подставил голову под холодную воду и долго стоял так, чувствуя, как понемногу приходит бодрость и голову чуть отпускает. Потом целиком залез под прохладный душ и смыл с себя вонючий пот вчерашней ночи.

На кухне его встретила гора грязной посуды, едва умещающаяся в мойке. Три пакета с мусором, которые слишком давно стояли тут и уже начали пованивать. Здесь же на полу еще с прошлой недели стояли бутылки из-под пива, на которые Андрей не смог смотреть спокойно: тошнотворный комок тут же подкатил к горлу, и в сотый раз он дал себе обещание никогда не пить.

Сварив кофе в турке и приготовив пару бутербродов с колбасой и сыром, он уселся за стол и проглотил скромный завтрак, глядя в стену отупевшим взглядом. Аппетит, как ни странно, был, но вот еда шла плохо, падая тяжелыми камнями в желудок.

Кофе немного помогло прийти в себя. Андрей обвел взглядом грязную кухню. Наверное, при прошлой хозяйке все было куда чище. Раньше в этой квартире проживала бабушка – ветеран войны, блокадница, после которой осталось

множество старых вещей: черно-белые фотографии родственников, наборы старой посуды, проигрыватель грампластинок и абсолютно новый советский пылесос «Циклон-М», который Семен прозвал «Р2-Д2»[2 - Дроид-астромеханик из серии художественных фильмов «Звездные войны».]. Помимо прочего в коридоре стояло металлическое чудовище – раритетная швейная машинка «Зингер». Почему-то арендодатель не вывез все эти вещи и даже не навел порядок перед сдачей квартиры. На холодильнике покоилась стопка пыльных газет и журналов, которые лежали нетронутыми с того самого дня, как Семен заехал в квартиру. И вот именно этим утром, словно повинуясь невидимой длани, указующей путь, взгляд Андрея упал на обложку журнала, выглядывающую из-под бумажной стопки, где ярко-красными буквами было написано:

Лиза

Дьявольщина, не иначе.

Андрей открыл все окна в квартире и вышел на балкон покурить. Потянулся, смотря на серое небо, и зевнул, суставы захрустели, и следом донесся другой звук – открываемого замка. Вернулся Семен.

– Здаа-ар-рова! – крикнул он с порога.

– Привет! – прокричал Андрей и тут же пожалел об этом. Голову сдавила боль.

Он затушил сигарету и вышел с балкона как раз в тот момент, когда лицо Семена показалось из-за угла. Одежда его была мокрой насквозь, а с волос капало на пол. Широко улыбаясь, сосед сказал:

– Плоховато выглядишь!

– Примерно так же я себя и чувствую, – ответил Андрей. – А ты чего такой мокрый, зонт забыл?

Сосед прямо в мокрых штанах уселся на стул и зевнул.

– Ага, вчера-то жара была. Как-то не подумал.

– Забыл, в каком городе живешь? – усмехнулся Андрей.

– Запарился ехать, – сказал Сема. – А пожрать есть что-нибудь?

– Пусто, кажись, – ответил Андрей. – Я схожу сейчас, пройдусь хоть, воздухом подышу.

Семен посмотрел на Андрея с ухмылкой.

– Тебе не помешает. Там лило как из ведра, но сейчас утихло.

– Ага, – Андрей кивнул и уперся локтями в стол, уронив гудящую голову на руки.

– Купи, короче, что-нибудь быстрое. Наггетсов, котлет там или блинчиков, – попросил Семен.

– О’кей, – Андрей еще немного посидел, затем поднялся и направился прочь из кухни. Но, вспомнив, повернулся к соседу: – Рома, может, вечером заскочит. У тебя планов нет?

– Вроде не было. А че, может, пива захватишь?

Андрей мрачно глянул на соседа – тот сразу все понял. Улыбнулся, поднял обе руки и сказал:

– Ну, тогда просто мне захвати парочку.

Андрей переоделся, обулся, закинул телефон в карман и вышел на темную площадку, пропитанную бессмертным запахом сырости, но не успел закрыть дверь, как Семен окликнул его.

Андрей повернулся. В руках Семен держал пакеты с мусором, а на его лице играла хитрая ухмылка.

– Пора бы выбросить это дерьмо.

Андрей кивнул, принял пакеты и направился к лифту. Пока ждал приезда, прислонился лбом к холодному металлу и стоял так, наслаждаясь, пока не приехал лифт.

Спустившись на первый, лифт мерзко запищал, ножом полоснув по воспаленному мозгу. Андрей вздрогнул, подобрался и вышел из кабины.

На улице он наконец смог вдохнуть полной грудью. Ливень закончился, оставив после себя огромные лужи.

Мусорный контейнер был переполнен. Андрей кое-как пристроил пакеты на верхушку кучи и боковым зрением заметил бородатого бомжа, роющегося в помойке. Рядом стояла грязная и проржавевшая детская коляска, нагруженная всяким хламом.

Заметив Андрея, бомж впился в него мутными глазами, едва различимыми на грязном, заросшем густой бородой лице. Андрей удивился. Обычно бездомные отводили глаза, завидев другого человека, или торопились уйти, но этот нагло глазел на Андрея, будто признав в нем старого приятеля. Андрей не выдержал:

– Чего уставился?

Бомж ничего не ответил и даже не подумал отвести глаза. Затем вдруг залился мерзким, булькающим хохотом.

– Ты дурак, что ли?! – огрызнулся Андрей, понимая, что сам провоцирует бездомного на агрессию. Но и на оскорбление тот никак не отреагировал, продолжив хохотать, словно видел самое забавное зрелище в жизни. Андрей даже оглядел свою одежду, подумав, что, может, в чем-то испачкался или к штанине прилип мусор. Но одежда была чистой.

«Не начудил ли я чего пьяным?» – подумал Андрей.

– ПАДАЙ! – прохрипел бомж и снова залился хохотом.

Не говоря ни слова, Андрей развернулся и торопливо зашагал к выходу со двора. Всю дорогу, пока он шел к арке, бездомный продолжал хохотать.

Глава 5

Супермаркет – Другой город – Возвращение

Срезав путь через парк, Андрей вышел к дороге и остановился на светофоре в ожидании зеленого сигнала.

У газетного киоска курила женщина, хмуро поглядывая на проезжающие машины. Внезапно она пристально посмотрела на Андрея и тот, все еще не отойдя от встречи со странным бродягой, решил было, что сейчас и она примется нести околесицу, но женщина только хмыкнула и отвернулась.

Загорелся зеленый. Андрей пересек «зебру». Сунул руки в карманы и, понурив похмельную голову, неторопливо побрел в сторону магазина, все еще прогоняя в голове странный случай с бездомным. «Падай», – крикнул он. К чему это? И сон… Эти странные совпадения наводили на жуткие мысли.

Пытаясь отвлечься, Андрей принялся вспоминать детали вчерашней попойки. Но они не проявлялись. В памяти всплывали только неясные обрывки разговоров, кислый вкус пива, перемешанный с сигаретной вонью… и Лиза. Почему она? Наверное, Рома ему все уши про нее прожужжал.

В магазин он вошел так же, не поднимая головы, и на автомате прошел через рамку, захватив корзинку. Только тогда он наконец вынырнул на поверхность из проспиртованных глубин памяти и осмотрелся. Внутри все похолодело. Ни посетителей, ни кассиров, никого… Магазин пустовал.

Андрей замер на месте и прислушался. Лишь тихо гудели лампы под потолком, больше ни звука. Он медленно побрел вперед, прошел мимо мясного отдела в кондитерский, затем к выпечке. Подошел к кассам.

– Есть кто? – выкрикнул он.

Никто не ответил.

То ли дурацкая шутка, то ли случилось что-то такое, из-за чего все вдруг разом покинули супермаркет. Но почему тогда двери остались открыты? Да и никаких признаков того, что здесь случилось нечто экстраординарное, не наблюдалось. Все было на своих местах, исправно работали холодильники, горел свет. Не хватало только людей.

Андрей дошел до овощного отдела, заметил проход в техническое помещение. «Посторонним вход воспрещен», – сообщала наклейка на двери. Сама дверь была приоткрыта, и оттуда вдруг послышалось приглушенное, неразборчивое бормотание. Подойдя ближе, Андрей заглянул в темный проем, и его накрыло гнилым запахом испорченных продуктов. Он невольно поморщился и прикрыл нос рукой. Света в подсобке не было, но магазинного освещения хватало, чтобы увидеть в конце небольшого коридора скопление коробок. Странное бормотание стало громче; оно доносилось откуда-то из глубины помещения. Звук был такой, словно человек с сильным дефектом речи разговаривал, уткнувшись в плотную ткань. Ни одного слова разобрать не удавалось, но это, без сомнения, была человеческая речь.

Чувствуя неладное, Андрей все-таки громко спросил: есть ли тут кто, и бормотание в тот же момент утихло. А еще через секунду сменилось тихим плачем.

– Эй! Кто там?

Вместо ответа из глубин помещения донесся новый звук, будто кто-то поскреб ногтями по стеклу, потом еще раз и еще…

Андрей позвал снова, с ужасом понимая, что в подсобке происходит что-то ненормальное. По-хорошему, стоило уносить ноги подальше отсюда, но Андрей все ждал чего-то.

Поскребывания прекратились, сменившись резким, чавкающим звуком удара, будто кто-то перерубил кусок мяса топором. Плач и бормотание сделались громче и, кажется, ближе.

Андрей больше не мог оставаться на месте. Резко развернувшись, он бросился прочь, но поскользнулся и рухнул на бок, вляпавшись рукой во что-то вязкое. Тут же подскочил и посмотрел на руку, по которой стекала темная, вонючая влага.

Опустив взгляд, заметил раздавленный, почерневший помидор, в котором копошились мелкие белесые черви. А когда осмотрелся, понял, что все фрукты и овощи в отделе безвозвратно испорчены. Над гнилыми плодами, источающими мерзкий запах, громко жужжа, вились мухи.

За спиной что-то всхлипнуло и забормотало. Не оборачиваясь, Андрей кинулся к выходу и, вылетев на улицу, побежал к дороге. Но сделав всего несколько шагов, остановился и застыл в недоумении.

Первая мысль – вчера кто-то его чем-то напоил и теперь все, что он видит, лишь жуткая галлюцинация. На улице никого не было. По дороге не неслись автомобили: их грязные корпуса с выбитыми окнами и фарами, спущенными шинами и разломанными радиаторными решетками, похожими на выбитые зубы, ржавели на покрытом трещинами асфальте. Покосившийся светофор не горел, а полосы пешеходного перехода, еще недавно обновленные, были затерты и почти не видны. Примерно так же выглядели и дома вокруг. Грязные и обветшалые стены. Выбитые окна с гниющими рамами, крошащиеся, позеленевшие от мха балконы.

Когда Андрей обернулся, то увидел, что супермаркет выглядит так же, как и все остальное. Ветхий, будто минула не одна сотня лет.

И без того больную голову сжало, и кровь забилась в висках. Андрей не мог поверить глазам.

Первым делом он достал мобильник и, с радостью обнаружив, что Сеть никуда не делась, набрал Семена. Но гудков не последовало, лишь тихое потрескивание в динамике. Тогда он попробовал позвонить Роману, но и тут его ждал тихий треск и никаких гудков или сообщений о недоступности абонента. Все это время он не сводил глаз с супермаркета, ожидая, что оттуда появится то, что издавало мерзкие звуки. Но из покосившихся дверей так никто и не вышел.

Убрав телефон, Андрей медленно побрел в сторону дома, продолжая осматривать невероятные изменения, произошедшие с городом. Природа в парке заняла свое законное место. Густая трава разрослась, почти скрыв тропинку, по которой Андрей срезал путь. Когда-то ровные стволы деревьев приняли причудливые кривые формы и теперь напоминали гибких танцоров, застывших в неудобных позах. Это напоминало дурной сон, странный и жутко

реалистичный кошмар. Вот только Андрей прекрасно понимал, что никакой это не сон.

Он решил обойти парк по тротуару, но, дойдя до поворота, ведущего к дому, почему-то оказался в странном переулке, образованном высокими бетонными стенами, которых раньше здесь не было, да и быть не могло, поскольку подобная постройка на этом месте просто не имела смысла. Во-первых, неясно было, что она вообще ограждает. Стены стояли по обеим сторонам дороги, за одной из них находился парк, за другой – десятиэтажный дом. Переулок этот вел прямо к арке дома, где жил Андрей. Дома, превратившегося из красивой и ровной постройки в какое-то безумное уродство. Он не только сильно обветшал, но к тому же изменил форму. Здание стало ниже и слегка наклонилось в сторону.

Именно сейчас Андрей вдруг понял, что все окружающее выглядит не просто очень старым, но и каким-то иным… Как те деревья в парке. Стены остальных домов тоже слегка покосились, такими же косыми были и стены, образовавшие переулок. Даже облака на сером небе приняли причудливые формы, словно чья-то рука обкромсала их плавные края ножницами.

Окружающий мир превратился в пугающее абсурдное зрелище, будто порожденное чьим-то воспаленным разумом.

Андрей побрел через переулок, разглядывая выцветшие от времени граффити на стенах. В основном это были кривые хештеги и косоватые буквы, выдающие пока еще неумелых уличных художников, но встречались и странные знаки, похожие на буквы какого-то неизвестного алфавита, а иногда и целые композиции из этих знаков, сплетенные в замысловатые узоры. Но больше всего внимание Андрея привлекла крупная надпись, выведенная зеленой краской:

ПРОДОЛЖАЙ ПАДАТЬ!

На земле в огромном количестве валялся мусор: банки от пива, бутылки с выцветшими этикетками, бесформенные кучи грязных тряпок, в которых с трудом угадывалась одежда, источающие смрад гнилые фрукты и овощи в деревянных ящиках…

Андрей ускорил шаг, все больше ощущая, как его охватывает ужас. Дурной сон! Кошмар, не иначе! Живот скрутило, и теперь он обильно потел, несмотря на прохладную погоду. Он не знал, что ждет его дома, но больше идти было некуда и обратиться не к кому. Возможно, Семен все еще в квартире, не пропал, как другие, и тоже видит все эти странности. Андрей очень надеялся на это, по крайней мере, только так он сможет убедиться, что не сошел с ума.

Дойдя до подъезда, он обнаружил, что ржавая дверь раскрыта настежь, лифт не работает, но в такой ситуации Андрей все равно не рискнул бы ехать в нем. Выйдя на лестницу, он начал подниматься. Пока добирался по растрескавшимся ступеням, что заросли густым мхом, до десятого этажа, боялся, что состарившийся дом вот-вот рухнет, похоронив его под обломками.

В коридоре было темно, лампы не горели. Андрей долго ковырялся ключами в замке, пока наконец ржавый механизм не сработал. Войдя в квартиру, он обнаружил, что внутри все осталось по-прежнему и даже не состарилось. За спиной раздался шум. Андрей развернулся, обнаружив абсолютно нормальную площадку этажа, освещенную лампами, а затем и соседа, запирающего дверь в свою квартиру. Увидев испуганное лицо Андрея, тот замер и уставился на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Не важно (франц.).

2

Дроид-астромеханик из серии художественных фильмов «Звездные войны».

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/tatuirovka-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить